

ТЕРА САФИН

ЛЮДИ АДЖА

книга первая

Гера Сафин
Люди Арка. Книга 1
Серия «Люди Арка», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70228231

SelfPub; 2024

Аннотация

Тоа Канвальд живёт в идеальном мире: у него есть любящая семья, верный друг и уважение обучающихся его профессоров, и всё это – на планете под названием Арк, давным-давно ставшей домом для сбежавшего с погибающей Земли человечества. В один прекрасный день череду успехов Тоа пополняет обрушившееся, как нив на голову, приглашение на встречу с самим ИИТ – Верховным Алгоритмом, управляющим всей планетой! Если бы только парень знал, какими злоключениями обернётся это грандиозное событие... На пути к правде Тоа предстоит познать и горе утрат, и радость влюблённости, и страх за будущее всего мира. Вопрос в том, найдёт ли он в себе силы противостоять эонами дремлющему злу или струсит в решающий момент?

Содержание

1. НОВОЭОН	5
2. ЮВЕНИС	15
3. СИГНУМ	27
4. ИНТЕРУРЬ	43
5. ГИПЕРСФЕРА	61
6. ОБЛИМОРФИН	94
7. АГИЛИТРОН	119
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Гера Сафин

Люди Арка. Книга 1

Основная роль машин, включая компьютеры, заключается в расширении наших возможностей. С тех пор, как мы взяли в руки палку, чтобы достать до ветки повыше, мы использовали наши инструменты, чтобы расширить наши возможности, физически, а теперь и ментально. Мы собираемся объединиться с нашими компьютерами и стать умнее.

Мы уже это делаем.

Рэй Курцвейл

1. НОВОЭОН

Сейчас пока ещё 3920-й эон от Рождества Траскова. Завтра будет 3921-й, и поэтому в центре гостиной стоит вытянутый овальный стол, а вокруг него – мы. Стол ломится под весом разнообразной еды, по большей части авторства Ма (кухонный гастропринтер – её личная гордость).

Ма поднимает в эфир сосуд, наполненный винумбулой, и взглядом требует от меня того же. Остальные уже на ногах, но осмотрительно молчат: Ма злить никто не решается. Они знают, что я никогда не любил Новозон, ибо каждый такой ритуал неотличим от предыдущего, а весь их смысл сводится к пугающей экзальтации на тему неумолимого оборота гигантского колеса времени...

Сейвер, мыслю так, будто мне не сорок семь эонов, а все два центума.

Саю, мою сестру, которой на днях исполнился двадцать один эон, всё ещё не оторвать от кукол, ну а я никак не могу привыкнуть брить своё лицо по утрам. Щетина настигла меня гораздо позднее сверстников, но, явившись в один прекрасный день, не стала мелочиться. Стоило бы подумать о лазерной процедуре по удалению волосяных луковиц с подбородка. Но наша 142-эоновая мама, которую я с детства зову просто Ма, негативно относится к любым вмешательствам в «дарованную Сейвером» внешность. А это значит, что эо-

нов до пятидесяти, пока мы живём вместе, я буду вынужден начинать каждое утро с борьбы за гладкое лицо.

Термос с винумбулой стоит на столе напротив меня, и я могу в деталях рассмотреть в его холодной металлической поверхности своё угрюмое, хоть и начисто выбритое, отражение.

Я – эфин.

Когда люди Нулевого Центума (а их на тот момент было немногим свыше четырёх тысяч) сумели выжить и обустроить своё первое небольшое поселение на Арке, следующим их шагом стало знакомство с остальной территорией планеты. Они разделились на четыре группы, каждая из которых намеревалась заселять и осваивать свой собственный регион. Так образовались четыре крупнейших современных этноса: эфины, хефесы, аполлы и краты. Предки моей коммуны поселились в травянистых степях средних широт, кишаших мелкими травоядными зверьками, быстрыми и бесшумными.

Эволюция на Арке работает по другим законам, нежели земная. Здесь другой эфир, другая аква и другая терра. Мы эволюционировали быстрее, чем это могло бы произойти на покинутой планете. И всё же, мы остались людьми, хоть и изменились снаружи. Особенности местности, где обитали эфины, определили наш внешний вид: больше средних уши с заострёнными концами для лучшей локации добычи среди высокой густой травы и гипертрофированные клыки для

лишения той самой добычи какого-либо шанса на спасение. Звучит жестоко, но всё это давно в прошлом: уже как тысячи эонов мы не лишаем животных жизни ради пропитания. Вместо этого мы употребляем необходимое для организма мясо, синтезируя его искусственно в гастропринтере, как и практически любую другую пищу – достаточно иметь образец ДНК нужного продукта.

Другую внешнюю особенность эфинов наука пока не смогла объяснить до конца. Пигмент в зрачках наших глаз устроен так, что всегда реагирует на эмоциональное состояние человека и меняется в зависимости него. Так, испуганный эфин будет иметь бледно-голубые глаза с порхающими в них прожилками серебра, а разгневанный – пульсирующие кроваво-красные или даже чёрные, как космос, лишись он всех звёзд разом. Мои глаза от природы светло-зелёные с примесью сочного жёлтого – цвет, который мы называем «грами» (от имени вида местной ядовитой травы).

Помимо отличий в наших организмах, каждый этнос характеризуется обобщающими поведенческими чертами и склонностями. Так, считается, что эфинам легче других даются науки, особенно точные, а также обучение в целом. Я не любитель стереотипов, да и кажется такое описание слишком уж плоским, но, признаюсь, если дело касается фактов или цифр, мне не составит труда осуществить всевозможные сложные операции с ними в уме за считанные секунды. С другой стороны, благодаря имплантированным церебраль-

ным микрочипам – круглому белому жемчугу – сейчас буквально каждый имеет возможность почувствовать себя эфиром. Что ж, я не против, если это способствует всеобщему благу и процветанию. Аркане – сторонники коллаборативного прогресса, и я не исключение.

Я поднимаюсь сам, поднимаю свой сосуд и задумчиво вглядываюсь в панорамное окно, пока Ма одаривает собравшихся витиеватой речью о наших достижениях в уходящем эоне и надеждах на новый. Отдельного внимания, как обычно, удостоивается Сейвер и его бесчисленные благодеяния. За окном ей вторят залпы ослепляющих игнитов, расплёскивая флуоресцентные брызги в тяжело нависшую над урбом ночь. Тысячи цветных точек разбегаются в стороны, а после резво сбегаются вновь, чтобы преобразоваться в изображения фестивального характера. Сая обожает мигающие нивинки, а отцу больше по вкусу улыбочливое лицо Сейвера, сотканное из роя трудолюбивых цифровых светлячков. Отец важно хмурит чёрные брови и слегка кивает в сторону нависшего за окном лица, как бы сообщая тому, что всё идёт по плану и тот может не беспокоиться. Однако, когда игнит гаснет, чтобы обновиться и заново повторить запрограммированный круг поздравительной иллюминации, отец украдкой велит окну быть тише, дабы взрывы не побеспокоили Ма и не помешали её нескончаемой праздничной речи.

– Дай нам Сейвер, чтобы следующий эон был таким же продуктивным, как и истекающий. Слава Сейверу! Слава

ИИТ!

– Слава ИИТ! – торжественно вторим мы.

Домашний робот по имени Руни сообщает присутствующим об официальном начале нового 3921-го эона. Я, Ма, отец, мой старший брат Фарик и ещё одиннадцать членов коммуны различной степени родства и соседей по убикору скидывают в эфир сосуды с винумбулой и, стукнувшись ими так, что лиловая жидкость вспенивается ещё сильнее, пьют до дна. Единственный человек за столом, лишённый этого «удовольствия», – это Сая, которой поднятый шум во все не мешает размякнуть в своём кресле и, прикрыв глаза, погрузиться в богатый мир детских сновидений. Зажатый в её руке плюшевый жёлтый зверь, с которым она почти никогда не расстаётся, выглядит так, словно вот-вот задохнётся в крепких тисках маленькой девочки. Хотя дело всего-навсего в его огромных, почти выпученных глазах, удивительно неплохо гармонирующих с торчащей на макушке куклы кривой антенной.

Ма смотрит на мирно сопящую Саю порозовевшими от нежности глазами и негромко просит отца транспортировать её в сомнум. Я осознаю свой шанс и повторяю в точности за сестрой.

– Очень умно, Тоа, – слышу я строгий голос мамы сквозь темноту опущенных век. – Мы все оценили твой талант. А теперь «просыпайся» и не позорь меня перед дедушкой Хаззой.

Я приоткрываю один глаз, чтобы увидеть дедушку Хаззу, неотрывно сверлящего взглядом копчёного рубрума, разлёгшегося в неоднозначной позе на тарелке перед ним. Очевидно, дедушка не в курсе ни о моём провалившемся плане, ни, вероятно, о действиях кого бы то ни было ещё из сидящих за столом, ибо, судя по всем внешним признакам, он активировал персональный стрим (перстрим) и в данный момент полностью увлечён происходящим на экране, видимом ему одному.

– Отец! – возмущается Ма, несильно шлёпнув деда по руке. Тот дёргается, словно кресло под ним на секунду стало электрическим, и панически осматривается по сторонам, медленно вспоминая, где он и зачем. Он задерживает взгляд на отце на мгновение дольше, чем на остальных, будто видя его в первый раз и решая, достоин ли этот густобровый камарад делить с ним один стол. Отец добродушно хлопает дедушку по плечу (тот проседает в кресле, ответившем на это жалобным писко-скрипом) и встаёт, дабы осуществить распоряжение Ма. Я решаю больше не рисковать (зрачки маминых глаз опасно побагровели) и вместо этого воспользоваться преимуществами своего положения.

Обычно я не ем на ночь глядя, но копчёный рубрум слишком уж настойчиво транслирует свой аромат мне в нос, из-за чего слюнной секрет не медлит заполнить собой ротовую полость. Помимо мяса, я накладываю себе рагу из яичного цветка, перечную терру и картошку. «Я пожалею об этом

утром», – думаю я, пока челюсти перемалывают первую порцию. Тем временем Фарик подливает мне ещё винумбулы.

– Фарик, не усердствуй, – осаждает его Ма, обслуживая тётушку Рэ с миской тушёной гравирепы.

– Я же не себе! – протестует он.

– Вот именно. Ты хочешь, чтобы твой брат осрамился, не успев прожить и дня в новом эоне?

Ма никогда не была известна своей деликатностью. Фарик неуверенно скрывает ухмылку и ставит термос так, чтобы я при всём желании (будто оно у меня теперь появится) не мог до него дотянуться. Я чувствую, как капилляры моего лица разбухают под давлением хлынувшей в них крови.

Конечно, Ма намекает на печально известный Съезд Патриума N 918-го эона, а точнее, фуршет после него, когда я не рассчитал своих сил при обращении с «веселящими» микстурами и в результате напросился на кулачный бой с роботом-официантом, который, продиагностировав моё состояние, резонно отказал мне в очередной порции. Мне до сих пор сложно сказать, кто из нас тогда вышел победителем. Мне нравится думать, что я как минимум не проиграл (ведь чинить, хоть и разными способами, пришлось нас обоих).

– Что за шум, а драки нет?

Бодрый голос отца, вернувшегося в гостиную уже без Саи, лезвием тупого топора рассекает повисшее в эфире напряжение. Переведя взгляд с мамы, угрожающе поджавшей губы, на Фарика с его бегающими глазами, и, наконец, на утопаю-

щего в жаре собственного лица меня, отец осознаёт полную неуместность своего комментария и, трагически кашлянув, стыкуется с креслом, не проронив более ни слова. Для отца моя выходка на Съезде обратилась куда более сильным ударом, чем для кого-либо из нас: она могла стоить ему должности в Главном Сенате Патриума.

Вся власть на Арке строго централизована, и нет такого субъекта, который не являлся бы частью общей системы. Каждый Патриум (одна из восьми обитаемых территорий планеты) располагает своим органом власти, называемым Главным Сенатом. В Сенате нашего Патриума – N – работает мой отец. Такие как он решают вопросы, касающиеся жизни в урбах, разбросанных по подконтрольным им Патриумам. У урбов нет названий, есть лишь числа-идентификаторы – так, мы с коммуной проживаем в урбе N11, помимо которого есть первый (в котором и находится здание Сената), второй, третий и далее по списку. При этом, одними только Сенатами устройство власти на нашей планете не ограничивается.

Один раз в эон все Сенаты планеты направляют своих послов в Мировой Траскианский Альянс, штаб-квартира которого расположена на вершине северного полушария, на нейтральной территории, вдали от урбов, Патриумов и вообще какой-либо цивилизации. Чтобы добраться туда, членам Альянса не требуется транспорт: они посещают собрания *виртуально*, просто подключившись к закрытой сети.

Ощущения не отличить от реальных, и поэтому каждый из них с уверенностью скажет, что *был* в штаб-квартире, хоть и не будет иметь ни малейшего представления, как здание выглядит снаружи.

Там, на севере, члены Альянса выполняют важную работу: они слушают и фиксируют резолюции одного-единственного и главенствующего над всеми ИИТ – Искусственного Интеллекта имени Траска. Никто из ныне живущих, даже членов Альянса, не видел его воочию. Никто не знает, как выглядит его исходный код и где расположены его серверы. Но всем нам известна одна простая истина: именно благодаря ему наша планета «всё ещё держится на своей орбите» (если цитировать мою Ма).

Люди в органах власти сменяют друг друга довольно часто, каждые шесть эонов, чтобы никого из них не успела заразить губительная идея выйти за рамки дозволенного, которое, по сути, сводится к осуществлению резолюций, принятых искусственным интеллектом. Только сам ИИТ на протяжении центумов эонов занимает свою должность, однажды возложенную на него людьми, побоявшимся взять на себя ответственность за планету. Его авторитет неоспорим, а работать на него считается большой честью, ведь это значит, что Верховный Алгоритм лично отобрал тебя, оценив по достоинству твои способности и потенциал. Вот почему отец так дорожит своим положением в Сенате.

Вот почему я не прикасаюсь к буле до самого окончания

банкета.

2. ЮВЕНИС

Цвадень – это день посещения Ювениса. Урбане в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти эонов стекаются в громадное здание, отражающее утренний солар своей холодной, завораживающей геометрией. Разумеется, технология виртуальной симуляции, наподобие той, что используется членами Траскианского Альянса, может позволить нам прослушать любую лекцию из комфорта собственного убикора. Однако ИИТ обязал нас посещать Ювенис *физически*, якобы с целью «поддержания социальных функций и стабильности психоэмоционального состояния ювенатов». Не мне судить, насколько это эффективно, но за себя могу сказать, что всё ещё не испытываю желания бегать по улицам голышом и бросаться на прохожих, угрожающе размахивая плазмодрелью. А значит, в этом что-то есть.

Когда речь заходит об успеваемости, помимо формальной обязанности, конкретно на меня ложится дополнительная ответственность: чем более высокие показатели в учёбе я буду демонстрировать, тем быстрее будет устранён негативный эффект от инцидента 918-го, до сих пор хранящийся в сети. Эту сеть – интерактивное хранилище всех данных, когда-либо произведённых человечеством, – мы называем «Ульем». Она связывает жителей планеты между собой с помощью жемчуга и позволяет нам пользоваться всеми её бла-

гами, где бы мы ни находились. Улей давно проник в реальность и стал неотделим от неё. Представить жизнь без Улья – всё равно что представить её без эфира, которым мы дышим.

Итак, в это хрустящее новоэновое утро, покрывшее необогреваемую инфраструктуру урба слепящим нивом, я мчусь по улице верхом на скутере, одетый в серую ювенатскую униформу, в направлении гордой и блистательной стеклокрепости Ювениса. Отдельные здания вокруг напоминают: «ИИТ – идеи, инновации, технологии». Такие аудиовизуальные голограммы украшают чистые светлые фасады, периодически уступая место яркой рекламе, а также неизменно счастливому лицу Сейвера, сияющему белозубой улыбкой на фоне отражающего стеклида небоскрёбов. Многие здания урба N11 имеют зеркальное покрытие: так свет от солара лучше распределяется среди бесчисленных зелёных насаждений, растущих на их стенах, балконах и крышах. Между небоскрёбами носятся шустрые белые такси и дроны-курьеры с посылками. Транспортные артерии урба в основном проведены в эфире, на большой высоте, в то время как нижний уровень отдан всевозможному индивидуальному транспорту, вроде моего скутера, и пешеходам. Сегодня их немало, учитывая ясную, хоть и довольно морозную погоду.

Я проношусь мимо важного вида женщины в жёлтом костюме, неспешно выгуливающей крошечную чёрную собачонку. Заметив меня, собака тут же срывается с места и бросается за мной вдогонку, отчаянно лая и поднимая на уши

весь квартал, но в какой-то момент вдруг останавливается, как вкопанная. Можно подумать, что теперь это не живой пёс, а трёхмерная модель, которой забыли добавить анимацию. На самом деле хозяйка всего лишь отправила собаке ментальную команду напрямик в жемчуг: одна мысль – и питомец уже радостно бежит назад.

Тем временем я почти на месте. Стремительно растущее впереди здание похоже на гигантский ледник с идеально расположенными углами между полупрозрачными гранями.

Оставив транспорт в паркинге (скутер спускается под терру), я вхожу в главный порт здания и, не дойдя до мраморного аквона с аквой, исполняющей отрицающую законы физики хореографию для вновь прибывающих, поворачиваю в сторону западного лектория, где сегодня читают Хронику видов – один из тех предметов, которые я слушаю по большей части ради удовольствия. Сам я уже успел изучить материалы по предмету до заключительного курса и мог бы, как мне кажется, с лёгкостью заменить саму мадам Онри, будь я достаточно дерзок для этого. Но пока что я, стараясь не создавать лишнего шума, прохожу в торжественное пространство лектория, немного прищурив глаза от его атакующей яркости.

Уходящие в небо цветные витражи, опоясывающие помещение по периметру, фильтруют соларный свет, превращая его в кристаллы уникальных форм и оттенков, осыпающиеся дождём на глянцевый пол, кафедру и на мадам Онри. Худая

женщина эонов 180-ти с янтарным взглядом и самой пышной коллекцией белых, как нив, волос, что я когда-либо видел на человеке, одетая в лиловое платье-футляр с тяжёлыми наплечниками, мадам Онри выглядит ни на градус не теплее эфира за стенами Ювениса. Но для знающих это не повод её остерегаться. Ювенатам вроде меня известно, что за стальной оболочкой профессора теплится любовь к своему делу и стремление передать свои знания всем, кто того искренне желает.

Мадам Онри – хефес по происхождению. Во времена Нулевого Центума предки хефесов отправились в леса на востоке, так как древесина была для них знакомым, понятным и лёгким в обращении строительным материалом, с которым люди имели дело на протяжении веков задолго до Большой Миграции. Учитывая накопленные ими ранее знания, люди быстро нашли применение дереву, сооружая из него свои первые урбы, транспорт, предметы обихода, комбинируя его с другими доступными материалами, вроде камня и смол. Так проходил эон за эоном, пока жители лесов не обнаружили то, что кардинально изменило их жизнь: залежи удивительных минералов, не похожих ни на один из известных им земных элементов. Целая сокровищница новых открытий и возможностей простиралась у них под ногами.

Недолго думая, предки хефесов принялись копать шахты, и вскоре их сеть раскинулась на многие десятки километров. Уникальность добываемых ими руд состояла в том, что

извлечённые из них компоненты идеально синтезировались с органической материей, не приводя к их отторжению человеческим организмом. Таким образом, всё началось с создания искусственных частей тела для тех, кто по каким-то причинам не имел собственных, а затем хефесы разглядели в этом потенциал для безграничного «апгрейда» своей плоти. Они могли стать сильнее, быстрее, получить способности, которые всегда были недоступны для людей, и всё благодаря развитию научно-технической мысли, природной изобретательности и решительному несогласию с «заводскими настройками» Homo Sapiens.

Современные хефесы внешне мало отличимы от людей Нулевого Центума, если не считать всевозможных модификаций с применением вживлённых в тело протезов и имплантатов. Такие изменения бывают как едва заметными, так и приводящими в ужас своей изощрённостью и, местами, откровенно большой фантазией.

Например, однажды в детстве мне довелось увидеть на улице нечто, едва ли похожее на человека. От настоящего тела у него остался разве что торс, безрукий, пронизанный десятками толстых чёрных проводов и каких-то шлангов с бегающей по ним жидкостью кислотно-оранжевого цвета. Шланги были подключены к его голове. Хотя головой это назвать сложно: органической в ней была только болезненно-серая лысина, лицо же было искусственным и представляло собой набор вживлённых протезов глазных сфер, бес-

порядочно вертевшихся во все стороны. И вся эта «красота» перемещалась на трех длинных механических «ногах», схожих по строению с лапами насекомых. Торс мог свободно раскачиваться во всех направлениях между этими ногами и даже крутиться вокруг своей оси. При движении существо издавало тошнотворный скрежещущий звук. Кто и с какой целью захочет сотворить такое со своим телом – большой вопрос. Так или иначе, после этой встречи я ещё неделю страдал от ночных кошмаров, и родителям даже пришлось вызывать специалиста по модификации воспоминаний. Тот извлёк сон из моей памяти, показал его родителям и, по их просьбе, удалил. Поэтому всё это известно мне сейчас лишь с их слов.

Мадам Онри сканирует янтарными глазами ювенатов, шумно устраивающихся на трибунах перед кафедрой. Её взгляд одновременно пронзает насквозь и выдаёт лёгкий азарт, с которой она предвкушает начало лекции. Дождавшись полной тишины, профессор расправляет плечи, набирает эфир в лёгкие и приступает. Усиленный вокордным имплантатом, её голос эхом отражается от залитых соларом стен и накрывает аудиторию, подобно цунами:

– Земляне полагали, что Третья мировая война сотрёт всё живое с лица их планеты.

С её первыми словами высокие стены с витражами вокруг нас растворяются, уступая место круговой панораме ландшафта ржавого цвета, лишённого какой-либо растительно-

сти: синхронно-иммерсивная виртуальная реальность рисует в наших сознаниях картины из прошлого. За спиной мадам Онри медленно распускается печально известный гигантский гриб, кажущийся вдвойне ярким из-за отражения в глянце начищенного пола.

– И, хотя ядерный конфликт 2049-го эона (для землян – года) и его последствия действительно уничтожили более семи миллиардов землян, что на тот момент превысило половину глобального населения, неизменным остаётся факт: человечество выжило. Существование в новых, как никогда враждебных по отношению к человеку условиях, поставило перед людьми, и прежде всего учёными того времени задачи, выполнение которых требовало не только колоссальных усилий, но и сплоченности. К счастью, у людей на тот момент уже был могучий союзник, полный потенциал которого им только предстояло осознать.

– ИИ! – звенит голос с задних рядов.

Мадам Онри одобрительно прищуривает глаза:

– Верно, Ченек. Уверена, Вы знаете последующую хронику?

Головы ювенатов, в том числе моя, разворачиваются в сторону небольшого человечка с пружинистыми завитушками рыжих волос. Ченек в ступоре хлопает глазами, после чего, забавно чмокнув губами, продолжает высоким голосом:

– Больше всех изучением искусственного интеллекта занимался Эон Траск. Он видел в ИИ угрозу, способную раз

и навсегда уничтожить человечество, чего не удалось даже атомным бомбам. Поэтому, в отличие от своих коллег, которые строили планы по восстановлению былой Земли и общества на ней, камрад Траск решил посвятить себя ИИ, чтобы использовать его во благо будущей цивилизации и уберечь людей от повторения прошлых ошибок.

– Я не могла бы сказать точнее. – Уголки рта мадам Онри слегка сокращаются, отчего рыжий Ченек начинает светиться ярче утреннего солара. Если кто-то и знает о Хрониках больше меня, то это он. – Уникальная личность. Для многих даже одиозная, и, к слову, богатейший из людей той эры. Не похожий ни на учёных, ни на богачей своего времени, Эон Траск был автором бесчисленных изобретений и инноваций, но его деньги и идеи часто вызывали неприкрытую неприязнь со стороны окружающих.

До этого момента расслабленные ювенаты ощутимо напрягаются.

– Отдельная группа выживших ополчилась на Траска, подзревая его в планировании захвата власти с помощью ИИ. Это было их единственным объяснением тому, что учёный сутки напролёт проводил за опытами, не имеющими никакого отношения к реальным, как они считали, проблемам общества. Надо признать, их тогда действительно было немало. Остатки человечества, устоявшие перед лицом климатического кризиса, радиации, глобального голода разделились на сторонников и противников учёного, а также тех, кто был

слишком истощён войной и её последствиями, чтобы занять какую-либо позицию. Тогда Траск понял, что обстоятельства предоставляют ему уникальную возможность осуществить свой давний план, который он вынашивал эонами, задолго до начала войны. Да?

Мы снова разворачиваемся, чтобы увидеть взвинченную в эфир руку Ченека, натянутую, как струна эвеллы. Слабый укол раздражения отвлекает меня от следующих его слов:

– Камрад Траск и его союзники потратили свои последние ресурсы на завершение строительства межзвёздного лайнера, на котором они смогли бы покинуть умирающую Землю, полную ненавистников, и обрести дом на новой планете, где они вместе создали бы цветущий мир без пороков и изъянов!

Последние слова он практически выкрикивает в воинственном экстазе.

– Очень поэтично, Ченек, спасибо, – кивает мадам Онри, игнорируя хохотки отдельных ювенатов. – Что же произошло дальше?

Ченек внезапно тупит взгляд и заметно сутулится:

– Космолёт был готов к старту, но обезумевших врагов камрада Траска было уже не остановить. Перед самым взлётом они взяли корабль штурмом, получили доступ к камраду Траску и... и...

Лица ещё нескольких ювенатов омрачаются в напряжённом ожидании. Некоторые любопытно поглядывают на Ченека, явно не подозревая о том, что он собирается сказать.

– Жертва Эона Траска позволила нам с вами собраться сегодня в этой аудитории, – заканчивает за него мадам Онри. Ченек печально смотрит на свои руки, сложенные на столе, пока яркие витражи заново вырастают из эфира, занимая своё законное место в лектории. Пульсирующий, полный жизни день за его стенами кажется теперь потусторонним и нереальным. – Кто знает, сколько ещё открытий и благ мог бы подарить нам этот выдающийся человек, сумев он добраться с остальными до нашего с вами родного Арка, когда-то известного лишь как GJ 1003 b. Впрочем, гораздо больше об этом вам сможет поведать профессор Залтан с кафедры астрономии. Есть ли у кого-нибудь вопросы?

Вопросы есть, и один из них кажется мне заслуживающим отдельного внимания. Парень с печальными чёрными глазами, сидящий слева от меня, интересуется, что произошло с разумными организмами, заселявшими планету до прибытия людей.

– Действительно, – размышляет мадам Онри, – сложно представить, что планета с идеальными для нашего существования на ней условиями оказалась, что называется, вакантной и не располагала формами разумной жизни. Однако вы, возможно, удивитесь, узнав, что одной лишь благоприятной среды далеко не достаточно для образования на планете развитых живых организмов, коим является человек. Совокупность внушительного списка факторов должна совпасть одновременно таким образом, чтобы это произошло,

и за всю хронику нашей Вселенной единственным подобным и полностью изученным случаем является Земля. Что касается Арка, тем более удивительно, что первые люди обнаружили на нём виды, хоть и не разумные, но всё же достаточно эволюционировавшие по меркам земной науки. Так, ближайшим к нам с вами родственником, живущим на Арке ещё до Большой Миграции, был примат, который всем вам знаком как кламамгутан.

Рядом с профессором материализуется виртуальная лохматая обезьяна, которая тут же принимается скакать по лекторию, истошно крича и наводя ужас на слабонервных ювенатов. Я вижу, как лицо Ченека стремительно бледнеет от страха. Другие, наоборот, смеются. По велению мадам Онри кламамгутан, занятый прыжками с одного стола на другой, исчезает так же внезапно, как и появился.

Как только ювенаты успокаиваются, поток вопросов возобновляется.

– Профессор, – обращается девушка с изящными серебряными протезами пальцев на обеих руках и длинными перламутровыми волосами, – значит ли это, что нам удалось осуществить план Эона Траска в отношении искусственного интеллекта и исключить связанные с ним риски?

– Прекрасный вопрос, – замечает мадам Онри. – Едва ли сам Сейвер мог мечтать о том, что спустя миллионы после его смерти все важные решения за нас будет принимать искусственный интеллект. Человечество прошло долгий, изви-

листый путь от недоверия к ИИ и до полноценного сотрудничества с ним. Как видите, здесь, на Арке, мы добились такого уровня благосостояния, безопасности и уверенности в завтрашнем дне, который землянам не мог и сниться. И всё это благодаря тому, что в определённый момент хроники наши предки решились полностью доверить своё существование ИИТ. Поэтому, когда кто-либо из вас в следующий раз задастся вопросом, правильно ли они поступили, оглянитесь вокруг и подумайте: стоит ли наша самостоятельность возвращения в тёмные времена хаоса и беспорядка, когда люди боялись *разумных* технологий и были вынуждены полагаться только на себя?

3. СИГНУМ

Летом я жевал бы свой слоёный пан с доремом, сидя за одним из столов открытого кафетерия на южной стороне Ювениса, но сейчас я стою, прислонившись спиной к одной из холодных колонн аквона и погружившись в гипнотическое журчание веселящейся в нём аквы. Хотя я знаком с хроникой Сейвера в мельчайших подробностях, лекция мадам Онри (а возможно, дурманящий блеск соларных кристаллов на полу лектория) произвела на меня эффект капсулы транквилла: мне хочется поскорей покончить с оставшейся программой на сегодня и оказаться в уединённости собственной комнаты внутри родного убикора, где тихо, спокойно и думается легче.

Разве способен один человек, живший в древнейшем обществе с примитивными технологиями, основать целую *цивилизацию* и обеспечить ей процветающее существование на новой, ранее необитаемой планете? Всякий раз, когда я задумываюсь над этим, мне становится легче проникнуться настроением той мизерной части нашего общества, что отрицает как сам факт жизни Сейвера, так и то, что всё известное нам о нём действительно произошло. Я никогда не озвучивал свои сомнения кому-либо, но не потому, что это запрещено. Просто есть люди, например, моя Ма, для которых последовательность слов вроде «Эон Траск – ненастоящий»

сравнима с пощёчиной или внезапным заявлением, что её суп из битумина сегодня не особо удался. Другие же, вроде моего друга Хэрона, слишком озабочены проблемами настоящего, чтобы погружаться мыслями в дремучие заросли дней минувших.

– Так ли хорош твой пан, каким он кажется?

На моё плечо обрушивается каменный валун. Колени подгибаются, мокрый от соуса листок латука, покинув объятия пана, печально падает на пол. Туман раздумий, прежде окутывавший моё сознание, рассеивается без следа. Рука Хэрона, почти сравнив меня с полом, помогает мне вернуться в вертикальное положение в попытке компенсировать нанесённый ущерб.

– Твой дядя, случайно, не был телепатом? – спрашиваю я, потирая плечо и мысленно удивляясь, как Хэрону удаётся материализовываться рядом каждый раз, стоит мне только вспомнить о нём.

Хэрон – на девяносто три процента чистокровный крат. Поэтому его голову украшают два здоровенных (как и их владелец) костных рога, а густая щетина, покрывающая шею под молотоподобным подбородком, спускается вниз вплоть до самого... Впрочем, мне выпадало рассмотреть растительность друга лишь на его широкой груди, в связи с чем могу ответственно заявить: её там *много*.

– Взятся за очередной доклад, о котором ни граха не знаешь?

«Грах» – это очень полезное и ёмкое слово, которое помогает жителям Арка выразить весь спектр негативных эмоций (а если подключить смекалку – то и положительных). Никто уже толком не помнит, что оно значило в начале своего существования, но, сказать по правде, теперь это мало кого волнует.

– Ага, – лениво парирую я, отрывая клыками большой кусок от пана. – Называется «Дружба с существом разумным».

Незнакомец, проходящий в этот момент мимо нас, ужаснулся бы дерзости меня, стоящего на расстоянии вытянутой руки от этой рогатой скалы мускулов с горящим внутри неё пламенем, унаследованным от предков-горцев с севера. Но мы с Хэроном слишком хорошо знаем друг друга, и скорее целый центум тысяч недоброжелателей свалится бездыханной кучей вокруг нас, чем один из нас хотя бы пальцем тронет другого. Неудивительно, что Хэрон какое-то время тяжело всматривается в меня (будто в полной мере отдаваясь фантазии о том, как его кулак впечатывает мою голову в мрамор аквона), а затем взрывается хохотом, от которого пол под нами начинает дрожать, а люди вокруг – беспокойно оглядываться.

– Неплохо, дружище, неплохо, – говорит Хэрон, позванивая своей серьгой в ухе.

– Это всё опыт.

– Да уж, а когда-то ты был молод и зелен, прям как я сейчас. – (Хэрон младше меня на четыре зона.) – Будем надеять-

ся, что дряхлость и изношенность не станут для тебя оправданием, когда я сотру тебя в порошок на следующей неделе.

То, что из уст Хэрона звучит как обещание лишить меня жизни, на самом деле является напоминанием о грядущей игре в Агилитрон, в которой я должен выступить против его команды. Хэрон до сих пор не может забыть своего поражения в прошлом сезоне, когда наша команда выхватила победу прямо у него из-под носа, потому что мне удалось взломать файервол быстрее их хакера. Тем обиднее ему от того, что такой хиляк, как я, расположился на доске победителей, в то время как Хэрон, самой эволюцией одарённый сверхразвитой физической формой, остался ни с чем. И хотя он этого не показывает, я подозреваю, что спорт – одна из тех немногих вещей, которые могут вызвать у него неподдельную обиду даже в отношении лучшего друга.

– Не вопрос, но в этот раз не забудь избавиться от шерсти на теле, для лучшей обтекаемости. Будешь быстрее.

Я слишком люблю ходить по лезвию скальпеля. Или, как в данном случае, стоять на пути тяжеленного ядра, с бешеной скоростью несущегося прямо мне в лицо.

– Ну погоди, старикан! – гремит Хэрон и выстреливает своей мохнатой ручищей, нацеливаясь на остатки пана в моей руке. Я смеюсь и ныряю под его локоть, прижимая к груди свой обед, как бесценную фамильную драгоценность. Но с кратами такие приёмы почти всегда обречены на провал – через мгновение моя голова уже крепко зафиксирована у

него под мышкой, в то время как кулак другой его руки, с зажатым в нём паном, победоносно взмывает в потолок.

– Впечатляюще, хоть и довольно грубо. Согласны, камрад Хэрон?

Что-то ледяное обволакивает моё сердце, пока само оно летит кубарем в область желудка. Моя взъерошенная голова оказывается на свободе. Хэрон с видом всепоглощающего смущения отдаляется от меня на два шага (всё ещё удерживая мой пан в заложниках), в то время как длинный лиловый силуэт мадам Онри вырастает перед нами железным шпилем. Её глаза хищной птицы не спеша пытаются решить, который из нас составит более сытную добычу.

– Простите, профессор, – хрипит Хэрон, скрывая пан за своей могучей спиной, будто этот манёвр способен как-то повлиять на его дальнейшую судьбу.

– Если Вы голодны, кафетерий открыт и всё ещё обслуживает.

Хэрон неуклюже пытается сунуть пан обратно в мою руку, при этом стараясь делать это как можно незаметнее для профессора, которая терпеливо наблюдает за процессом. Я сигнализирую другу взглядом, что мои права на пан отныне переходят к нему и его благородная жертва необязательна.

– Камрад Тоа, я искала Вас, – неожиданно заявляет мадам Онри, отчего Хэрон замирает, и мы оба упираемся в неё немymi взглядами. – Вы получили новый сигнум. Подозреваю, что оповещение о нём каким-то образом Вас миновало,

поэтому я решила сообщить Вам об этом лично. На Вашем месте я бы как можно скорее ознакомилась с его содержанием. Что-то подсказывает мне, что оно может Вас... обрадовать.

Глаза профессора выдают ту же сдержанную восторженность, с какой она обычно начинает свои лекции. В одном она не ошиблась: я всегда держу оповещения о новых сигналах отключёнными, иначе к концу дня гул в голове превышает все допустимые нормы.

– Спасибо, я... я посмотрю.

Мадам Онри еле заметно кивает и разворачивается на каблуке, чтобы удалиться, но, сделав шаг, оглядывается и добавляет:

– Да, возможно, Вам захочется прослушать сигнал в более... приватной обстановке. – На слове «приватной» её глаза на фракцию секунды сверкают в сторону Хэрона, ссутулившегося рядом.

Профессор уходит. Когда её фигура удаляется на достаточное расстояние, лицо Хэрона начинает подозрительно сиять, а рот расплзается в хитрой улыбке:

– Ставлю свои рога на то, что в сигнаме – приглашение тебя на тайное романтическое свидание с некой учёной 180-еоновой дамой в фиалковом сарафане.

Сказав это, он самодовольно подталкивает меня громадным плечом. Пошатнувшись, я сохраняю баланс и защищаю своё достоинство кулаком, лупящим по тому самому плечу.

Нет ничего приятного в ощущении, будто ты только что попытался замазать бетонидной стене.

Потрясывая онемевшей кистью, я открываю доступ в базу сигнумов и вижу один непослушанный. Мне нечего скрывать от Хэрона, поэтому я активирую сигнум в режиме открытого воспроизведения. «Телепатические» способности друга снова его не подвели: это действительно приглашение, правда, не совсем такое, какое он думал.

– Камрад Тоа! Коллегия Председателей Совета Ювениса в лице ректора камрада Даррама III имеет честь пригласить Вас принять участие в экскурсии для ювенатов, организованной Ювенисом по инициативе Департамента Знаний, в здание Головного Сената Патриума N (координаты Вы найдёте во вложении к сигнуму), в рамках которой Вы, наряду с другими выдающимися и тщательно отобранными ювенатами из других урбов, познакомитесь с организацией рабочих процессов внутри Сената, а также посетите закрытую встречу в формате «круглый стол» с Искусственным Интеллектом имени Траска, где Вы получите уникальную возможность в прямом порядке задать ему интересующие Вас вопросы. Комрад Тоа, Вы были избраны представлять Ваш урб на круглом столе в результате долгого и трудоёмкого изучения Коллегией Ваших заслуг и достижений, осуществлённых Вами в ходе обучения в Ювенисе. Такие экскурсии проводятся только один раз в двадцать два эона, и мы уверены, что Вы осознаёте всю ответственность и значимость приви-

легии, переданной Вам вместе с этим приглашением. Семнадцатого лефактобря ровно в шесть часов восемьдесят две минуты утреннего времени Вас будут ожидать на платформе 11^03 станции Интерурба, с которой Вы в сопровождении старшего ответственного отправитесь в здание Сената. Круглый стол с Искусственным Интеллектом имени Траска назначен на девять часов четыре минуты утреннего времени. Комрад Тоа, мы советуем Вам не планировать других занятий на этот день во избежание возможных затруднений и заранее подготовить агенду, которую вы хотели бы озвучить на круглом столе. Вы должны быть одеты в официальную униформу Ювениса. Сердечно поздравляем от имени всей Коллегии Председателей Совета Ювениса в лице ректора камрада Даррама III!

«Сигнум прослушан», – гласит мигающий жёлтым статус. Моё бешено пульсирующее сердце готово выпрыгнуть из груди от нахлынувшей волны восторга вперемешку с приятно щекочущим волнением.

Правда ли это? Я увижу ИИТ вживую?

И смогу *поговорить* с ним?

Я перевожу взгляд на Хэрона, в нетерпении обсудить только что услышанное. Улыбка взмахом невидимой руки слетает с моего лица. Хэрон выглядит как никогда подавленным.

– Семнадцатого? – тихо произносит он. – На следующей неделе? Семнадцатого у нас Агилитрон...

Моё тело срывается в бездонный кратер. Всё, что я вижу, – тьму и большое удручённое лицо моего друга Хэрона.

– Я откажусь.

– Чего?

Мы с Хэроном движемся по коридору Ювениса, ведущему в большой холл. Лекции на сегодня окончены, и мы можем возвращаться в свои убикоры.

– Я откажусь от экскурсии. Мы с тобой давно готовились к Агилитрону, и я не могу просто взять и не прийти. Кого они возьмут вместо меня? Этого зануду Найлза? Да они сами захотят от него избавиться ещё до того, как он достигнет файервола! К тому же, ну кто, кроме меня, сможет снова выбить нам победу и поставить тебя на место?

– Слушай, оно того не стоит. – Хэрон уже по привычке проникает ко мне в мозг, чтобы лишить меня любой надежды на правдоподобное притворство. Каким-то образом он видит, что, вопреки сказанному, я без раздумий выбрал бы отправиться на экскурсию, возможность которой выпадает раз в жизни вместо того, чтобы бороться за бесполезный титул в дворовой игре. – Кажется, ты очень обрадовался этому приглашению, и я понимаю, как много оно значит для тебя. Ещё бы, это же сам ИИТ! Уф... Сыграем в другой раз, а в этот я не оставлю Найлзу и компании ни шанса.

Хэрон улыбается, но его глаза явно не работают с губами сообща. В них досада, которую он пытается скрыть, переводя взгляд с меня на пролетающую мимо группку ювенатов, хихикающих о чём-то своём.

Я стискиваю зубы.

– Решение принято, Хэрон. – (Сейвер, что я делаю?) – Сам подумай, с чего бы им выбирать меня для встречи с ИИТ, если есть Ченек с его рыжими кудрями и мозгом зубрилы? Да я в жизни не видел большего фаната Сейвера, чем он! И это включая Ма. Очевидно, что единственная причина, по которой я вообще получил это приглашение, – это мой отец, иначе быть не может!

Хэрон со странным выражением лица наблюдает за мной, как будто взвешивает всё, что я только что сказал. Наконец он выдаёт:

– Что ты имеешь против рыжих?

Это меня убивает.

– Какой же ты клоун!

– Клоун – ты, раз не понимаешь, что Онри и остальные выбрали тебя за твою башковитость, – он тычет поршнем своего указательного пальца мне в лоб, наверняка оставляя в нём вмятину, – и ничто другое. Приятель, да ты своими лекциями кого угодно вырубить можешь! Можешь поверить мне, как лично пострадавшему.

Глубоко внутри мне хочется надеяться, что он прав, и всё же я твёрдо отвечаю:

– Я прямо сейчас иду к Онри и говорю ей, что у меня игра, и я не могу поехать на их встречу ни с ИИТ, ни с кем бы то ни было ещё. Сейвер, он даже не человек!

Сам себе не веря, я разворачиваюсь и резко шагаю в сторону элеватора. Хэрон пытается меня позвать, но я игнорирую.

Здание Ювениса настолько огромное, что к тому моменту, как я достигаю кабинета профессора, я едва дышу, а термокуртка моей униформы еле успевает адаптироваться под резко взлетевшую температуру тела. Я стою перед тонким и высоким, как и хозяйка за ним, портом, надпись на котором гласит: «Профессор Онри: на месте». Я делаю глубокий вдох и поднимаю руку для отправки сигнала с просьбой войти, но именно в этот самый момент порт отплывает в сторону, чтобы выпустить наружу профессора и, сразу за ней, самого ректора Ювениса – Даррама III. Застигнутая врасплох видом меня и моей нерешительно застывшей в эфире руки, мадам Онри останавливается и подозрительно въедается взглядом в моё лицо.

– Камрад Тоа?

– Да... Профессор... – запинаясь я. Дороги назад нет. – Я хотел сказать Вам кое-что по поводу экскурсии в Сенат...

Подозрение в глазах профессора сменяется чем-то похожим на озабоченность. Ректор, стоящий рядом, вопросительно взирает на нас обоих.

– Ректор, это камрад Тоа, избранный представлять Юве-

нис на круглом столе с ИИТ.

При этих её словах выражение лица ректора мгновенно преображается. Он запрыгивает в пространство прямо передо мной и ослепляет меня своей кристальной улыбкой, натянутой между безупречно завитыми жёлтыми бакенбардами, столь же пышными, сколь и прическа мадам Онри, стоящей за ним. Едва не нанеся мне травму своим угрожающе-округлым животом, Даррам III хватает мою всё ещё торчащую кверху руку и принимается болтать её с такой бешеной энергией, будто намеревается взбить из неё масло.

– Поздравляю, юный камрад, поздравляю! – сияет он. – Какая честь и какая привилегия! Известно ли Вам, что множество урбов даже не удостоились участия? Но только не мы, конечно, не мы! Ваши родственники, должно быть, неслышанно горды Вами!

– Э-э... Спасибо? – бурчу я, пытаюсь разглядеть мадам Онри за широкими телесами ректора.

– Что ж, не буду Вас задерживать, камрад! Вам нужно как следует подготовиться ко встрече на высоча-а-айшем уровне, – мурлычет ректор и *буквально* подмигивает мне, что вводит меня в настоящий ступор. – Мадам Онри, ещё на пару слов?

Даррам III рукой указывает профессору на его желание незамедлительно проследовать прочь, прихватив её с собой. Онри бросает колеблющийся взгляд на меня, затем на ректора, и вновь на меня:

– Камрад Тоа, Вы можете отправить мне сигнум или подойти ко мне послезавтра, когда я буду на месте. А сейчас прошу простить: нам с ректором нужно решить ряд вопросов, не терпящих отлагательств. И я, как и ректор, безусловно рада за Вас, – добавляет она, после чего переходит на полужёпот: – Я сама посетила точно такую экскурсию в Вашем возрасте. Поверьте, это бесценный опыт.

Даррам III нетерпеливо постукивает ногой по начищенному полу. Одарив меня ободряющей улыбкой (или тем её подобием, на которое она способна), профессор уплывает вдаль по коридору вслед за тяжело ступающим ректором, оставив меня стоять в одиночестве у порта своего кабинета.

Как же это глупо!

Мне ничего не остаётся, как отправиться обратно на первый уровень к Хэроу, оставшемуся ждать меня у главного порта. Заметив моё кислое лицо, он произносит:

– Я же говорил, не нужно было...

– Она не на месте, – угрюмо бросаю я ему, шагая из порта на улицу. – Скажу позднее.

Хэрон вздыхает и топает за мной.

Вечером того же дня, в убикоре, после ужина в составе четырёх человек (Фарик и другие родственники, проведя с нами праздники, разъехались обратно по своим убикорам), я остаюсь в гостиной наедине с отцом, пока Ма возится с цветами в хортусе, а Сая погружается в просмотр любимого анимакта в своей комнате. Только в этот момент мне вдруг

приходит в голову, что я не в курсе, известно ли отцу о моём приглашении в Сенат.

– Пап? – осторожно начинаю я. – Ты же знаешь о встрече с ИИТ на следующей неделе?

Как и следовало ожидать, прежде чем ответить, ему требуется пара секунд, чтобы отвлечься от своего перстрима и вернуться в реальность.

– Встреча, м? – По мере прояснения в его глазах, чёрные брови опускаются ниже. – Постой-ка, а тебе откуда известно о ней?

«Ясно», – думаю я.

Я открываю список своих сигнумов (замечаю новый сигнум от Хэрона) и активирую тот, что содержит приглашение, как и в прошлый раз, таким образом, чтобы отец также мог его слышать. Пока текст проигрывается, лицо отца не выражает ничего, кроме крайней сосредоточенности. Сигнум завершается, и он, немного помедлив, встаёт со своего кресла, подходит ко мне и, к моему полнейшему изумлению, заковыкает меня в свои объятия. Затем он отстраняется, оставив свои руки на моих плечах, и произносит слегка дрожащим голосом:

– Ты понимаешь, что это значит?

Мне кажется, что не понимаю. Или понимаю, но не так, как ему хотелось бы.

– Твой отец – член Сената. А его сын удостоивается чести встретиться с Верховным Алгоритмом, которому мы обяза-

ны всем, что у нас есть. Да ещё в таком возрасте!

В его тёмных глазах сверкают взрывы крошечных игнитов.

– Но я там буду не один, – пытаюсь возразить я. – Другие урбы...

– Это неважно! Главное, что *ты* там будешь.

Я хмурю брови:

– Но ведь ты знал о встрече? Но не знал, что на неё позвали меня?

Отец, кажется, не был готов к этому вопросу. Он отпускает мои ноющие плечи, перемещается ближе к своему креслу и начинает мерить пол шагами – туда-сюда:

– Да, нам заранее сообщили о прибытии ИИТ. Само собой, новость подняла небывалый переполох в стенах Сената. Будто у людей нет календаря. – Отец издаёт сдавленный смешок. – Для меня это первое подобное событие в должности сенатора. И мне, как ты догадываешься, досталось немало работёнки в последние недели. Но дело в том, что в мои обязанности входит организация безопасного пребывания ИИТ в Сенате, а списками приглашённых ювенатов... – Он улавливает мой взгляд и слегка краснеет. – В общем, Тоа... Ты даже не представляешь, какой подарок ты мне преподнёс!

С каждым его словом мои внутренности сжимаются сильнее.

– Но разве ты не думаешь, что, учитывая мои... э-э... поступки в прошлом, меня могли выбрать только лишь потому,

я – сын сенатора?

Отец выглядит так, словно кто-то обронил на его голову мешок крепкой молодой картошки. Он медленно возвращается в своё кресло, и у меня внезапно возникает ощущение, что он больше никогда со мной не заговорит.

– Если ты действительно так считаешь, – его голос чреват критическим обморожением, – то тебе, вероятно, стоит отказать от участия.

Он замолкает и устремляет взгляд куда-то очень далеко, сквозь меня, сквозь стены, сквозь весь урб. Я не знаю, что ещё сказать, и поэтому, чувствуя полное опустошение внутри, собираюсь идти в свою комнату. Однако, на выходе из гостиной вновь слышу папин голос:

– Но я думаю, что ты был выбран, потому что ты умён, талантлив и любознателен, как никто другой. И поэтому по-настоящему заслуживаешь этого.

Уже у себя в комнате я могу наконец узнать содержание сигнала от Хэрона: «Если ты не поедешь на свою дурацкую экскурсию, я добьюсь, чтобы тебя не взяли больше ни на один Агилитрон. И *выпороли!* Поверь, мой голос имеет значение в таких вещах». К сигналу прикреплена анима: мускулистый каттус, похожий на бойца-тяжеловеса, рвущий на себе майку в неистовом вопле. Я устало улыбаюсь и гляжу в окно, за которым плывёт дымка бирюзово-зеленоватого северного сияния, ещё более яркого, чем огни раскинувшегося под ним урба.

4. ИНТЕРУРЬ

«Вас будут ожидать на платформе 11^03 станции Интерурба, с которой Вы в сопровождении старшего ответственного отправитесь в здание Сената».

Эти слова я проигрываю в своей голове на повторе несколько последних дней. Кто этот «старший ответственный»? У меня есть только одно предположение. Кто сообщил мне о сигнуме с приглашением? Кто не понаслышке знаком с происходящим за стенами Сената, потому что сам там побывал однажды? Наконец, кто умён и опытен настолько, чтобы ему доверили столь важное задание?

В киндень, перед вечерней лекцией мадам Онри, я подхожу к ней и задаю вопрос напрямую. Сначала она кажется слегка обескураженной, но затем в её янтарных глазах мелькает намёк на сожаление:

– Я очень хотела бы сопроводить Вас, камрад Тоа, это действительно так. Мне интересно было бы посмотреть, как изменился Сенат с тех пор, как я была там ровно 138 эонов тому назад. Но я не могу.

Я чувствую укол разочарования.

– Почему, профессор?

– Есть правило. Человек, однажды получивший шанс пообщаться с ИИТ лично, не может сделать этого снова. Полагаю, Ваш отец не упоминал об этом.

– Нет, – хмурюсь я. – Но в чём смысл этого?

– На этот вопрос я не могу Вам ответить. Но не забывайте, что ИИТ не может принимать неправильных решений. За каждым из них стоит намерение, которое в итоге неизменно приводит к наилучшему исходу для всех.

Остаток лекции я провожу, погружившись в размышления по поводу сказанного профессором. С одной стороны, я слегка расстроен, что она не поедет со мной, но с другой – осознаю с новой силой, насколько редкая возможность мне выпала. На следующей неделе я увижу своими глазами того, кто в прямом смысле вершит судьбу мира. И даже поговорю с ним! Это будет первый и последний раз, когда мне это удастся. Ответственность не просто велика – она накрывает с головой.

В оставшиеся до экскурсии дни мне сложно сосредоточиться на чём-либо, кроме назойливых мыслей о встрече с ИИТ и том, что мне говорить во время неё. Одно дело – изучить всю доступную теорию о ком-то, и совсем другое – оказаться с ним лицом к лицу. Какие вопросы мне ему задать? Вариантов так много, что вечером в один из выходных я не выдерживаю и составляю наглядный список, чтобы хоть как-то систематизировать бардак в своей голове. Но как только я пробегаюсь по списку взглядом, в глаза сразу бросается пугающая истина: половина вопросов звучат слишком сухо и запутанно, а вторая половина, наоборот, выглядят так, словно их придумала Сая в перерыве между обедом и дневным

сном. Плюнув на это дело, я удаляю список и ныряю в сонном, жалея об отсутствии в жемчуге функции полного отключения мозга.

Ночью накануне экскурсии мне снится кошмар. Я стою в бесконечной очереди посреди помещения настолько необъяснимого, что ни стен, ни потолка его не видно. Очередь медленно продвигается вперёд, но я не могу разглядеть, что находится в конце: слишком далеко. Кто-то в очереди лишается чувств и падает на холодный пол без сознания, его (её?) уносят немедленно возникшие на месте хилеры.

Мы двигаемся дальше.

Сложно сказать, сколько времени проходит, прежде чем передо мной остаётся всего несколько человек. Мы смотрим на отвесную скалу, которая каким-то невероятным образом уместилась внутри этой комнаты. На вершине скалы едва различима фигура, обмотанная ярко-красным балахоном. Лицо её скрыто за низко нависшим капюшоном. Люди один за другим выходят из очереди, приближаются к своего рода скамье для молитвы, высеченной из гранита, преклоняют на неё свои колени и, опустив голову, задают вопросы фигуре на скале. В ответ слышится только гулкий звон и раскаты грома. Но люди отходят в сторону осчастливленные.

Я стою за последним человеком, дальше – моя очередь. Я с ужасом осознаю, что до сих пор не придумал, какой вопрос задать фигуре в красном. Я осматриваюсь по сторонам, всерьёз задумываясь о том, чтобы сбежать отсюда, по-

ка не поздно. Но тут выясняется, что мы окружены плотной цепью людей в тяжёлой броне. Я никогда не видел такой брони. Гладкая, сверкающая безупречной белизной поверхность шлемов и других элементов доспехов испещрена вставками из золотистого металла, а количество витиеватых узоров, напоминающих ветви ползучего растения, вызывает головокружение.

Я понимаю: выхода отсюда нет.

Снова смотрю вперёд и неожиданно для себя различаю рыжие завитушки волос на голове человека, устраивающегося за гранитной скамьей. Его голос развеивает мои сомнения насчёт его личности. Ченек задаёт свой вопрос, настолько сложный и глубокий, что даже я в какой-то момент перестаю его понимать. В этот раз фигура в красном берёт паузу, чтобы сформулировать свой ответ, но в конечном счёте, как и прежде, лишь гремит, сотрясая всё вокруг. Ченек, засияв от радости, отбегает в сторону. Люди в броне одобрительно похлопывают его по плечам, а затем... хватают за руки и за ноги и швыряют в отверстие, разверзнувшееся посреди пола. Ченек молча, с неизменно счастливым лицом, исчезает среди языков пламени, поглотивших его без остатка.

Мой лоб покрывается испариной, взгляд мутнеет. Я вижу неясные силуэты скалы, людей в белых доспехах и Фигуры, которая, спустя миг, вырастает прямо передо мной. Комната начинает кружить в бешеном шумном танце. Становится жарко. Я чувствую, как нечто тяжёлое пристально всматри-

вається в мене из темноты капюшона. Наконец Фигура поднимает руки и отбрасывает свой капюшон назад. Я не могу пошевелиться, только беспомощно смотреть на то, что скрывалось под красной тканью. Шум в ушах становится просто невыносимым, а голова готова лопнуть от напряжения...

Я лежу в сомнуме, уставившись в тёмный потолок немигающим взглядом. Сердце колотится так бешено, словно ещё пару секунд назад я не спал, а участвовал в забеге с препятствиями. Покрывающий лоб пот мне не приснился: я ощущаю влагу даже на подушке под головой.

«Уровень стресса превысил норму. Рекомендуются принять транквилл», – пульсирует слабым ультрафиолетом надпись у меня перед глазами. Я прошу Руни принести мне капсулу, а сам тем временем открываю базу снов.

Сны, в отличие от воспоминаний, всегда сохраняются автоматически, потому что люди никогда не знают наверняка, к какому сну им захочется вернуться и пересмотреть. Причины на это могут быть самыми разными: от необходимости вспомнить кого-то важного, появившегося во сне, но ускользнувшего из памяти, и до желания заново пережить моменты восторга и счастья, возможные только в мире сновидений. Такие файлы можно воссоздать в иммерсивной виртуальной среде, и тогда уже никто не сможет отличить их от реальности. Обратная сторона заключается в том, что человек рискует буквально потерять себя, надолго поселившись в восстановленных из снов фантазиях. Я слышал о на-

стоящих случаях сумасшествия, причиной которого становились такие «реальные» сны.

Я вижу свежий файл с подписью «Сон от 17 лефактобря, 04:01». Меня поглощает искушение открыть файл, но вместо этого я велю системе удалить его. «Вы уверены, что хотите удалить этот файл?» – интересуется Улей. Будто под гипнозом, я не отрываю взгляда от мигающего в темноте знака вопроса. Помедлив, я выбираю опцию «Нет». Руни тихо влетает в комнату, освещая розовым мерцанием своего дисплея находящийся у неё в руках поднос со стаканом аквы и капсулой успокоительного.

Утром, в 6:74, я, облачившись в униформу Ювениса, выхожу из убикора и шагаю к паркингу со скутерами. Солар ещё не успел взойти в полной мере: на белом nive, припорошившем траву у паркинга, поблескивают розово-голубые хрусталики утренней зари.

На улице свежо, и в эту минуту я благодарен своей термокуртке за разливающееся по телу тепло. Перед внутренним взором всплывает самодовольное лицо Хэрона, подначивающего меня из-за необходимости обогреться в холодный сезон, в то время как ему, крату, одежда не требуется в принципе. Он, разумеется, всё же носит её, но лишь для приличия: с функцией теплоизоляции прекрасно справляются его

толстая кожа и природный мех.

Прежде чем тронуться с места на своём скутере, я отправляю Хэрому сигнум с просьбой сообщить мне о результатах игры, как только они появятся. Учитывая, что в этот раз моя команда играет без меня (в качестве замены они действительно взяли Найлза), я решил, что ничего страшного не произойдёт, если сегодня я буду болеть за их соперников с Хэроном во главе. Мой сигнум остаётся непослушанным, ибо Хэрон считает, что лучший способ настроиться на победу в Агилитроне – это здоровый поздний сон. Хотя он и успел накануне вечером отправить мне следующий текст: «Эй, спроси у Его Айкьюшества, где все мои чистые носки! Могу поклясться Сейвером, что вчера я видел одну пару. И да – удачи там, приятель!»

Урб ранним утром пронизан особой атмосферой. Кажется, что ты ступил туда, куда не следовало, и вот-вот потребуешь мирный сон какого-то исполинского зимнего зверя. Хозяева собак только начинают, зевая, выползать из убикоров со своими питомцами, которым не терпится зарыться носом в ближайший сугроб. Небо ещё не сильно усеяно дронами и такси, и можно разглядеть удивительной формы скопления тонких утренних облаков, которые, как и нив далеко под ними, теряют свой розовый окрас по мере того, как солар поднимается всё выше и выше, затмевая собой господствующие по ночам спутники Арка: золотую Ауру, богатую металлами, и серебристый Арген, закованный в лёд.

Путь от убикора до станции Интерурба на скутере можно преодолеть очень быстро, за считанные минуты. Я не успеваю как следует насладиться спокойствием утра, а впереди уже виднеется крыло станции. Вход в Интерурб представляет собой огромный белый треугольник, устремившийся в небо одной из своих вершин и действительно чем-то напоминающий птичье крыло. Сам он состоит из множества продольных пластин, которые, меняя своё положение, отражают соларный свет в разных направлениях в течение дня.

Раньше лучи солара были для аркан главным источником энергии, и нельзя было пройти и десяти шагов, не увидев поблизости соларную панель. Урбы были утыканы ими, словно лесные поляны – грибами после дождя. Всё изменилось раз и навсегда, когда был совершён первый в хронике Арка успешный термоядерный синтез с выходом энергии, во много раз превышающей затраченную.

Сегодня в каждом крупном урбе возвышается башня Синтешара – сферического реактора, в недрах которого зонами идёт непрерывная термоядерная реакция. Сам реактор расположен так высоко, что в пасмурные дни о его наличии говорит лишь смутно-голубое свечение плотно теснящихся под ним тяжёлых облаков. Синтешар не требует присутствия людей для его обслуживания и сам регулирует распределение энергии между убикорами и другой инфраструктурой урба. Она, например, и приводит в движение сверхзвуковые гиперподы, мечущиеся между станциями Интерурба.

Такая дорога занимает настолько ничтожное время, что многие выезжают на работу в другой урб утром и уже вечером просматривают новостные стримы в стенах родного убикора. Всё это, конечно, при условии, что человеку по каким-либо причинам необходимо лично присутствовать на рабочем месте, как, например, часто приходится моему отцу.

Я оставляю скутер и вхожу внутрь станции сквозь широкий стеклидный порт. В здании Интерурба царит обычная для этого места суматоха. Пассажиры снуют кто куда с багажом и без (автоматические тележки с кейсами послушно сменяют за ними), кто-то сидит в зоне ожидания, погружённый в сводку новостей или синемакт, кто-то общается, кто-то ест. Справа от меня простираются поля из клумб с розовыми и жёлтыми цветами, среди которых виляют светло-серые полосы пассажирских переходов. Над всем этим нависает высокий прозрачный потолок, разделённый на шестигранные соты и пропускающий внутрь насыщенный свет солара, который уже успел окончательно воцариться на небе.

Улей указывает мне путь до платформы 11⁰³ светящимися полосками на полу: от физических указателей здесь, как и в большинстве других общественных мест, давным-давно отказались. Судя по навигации, платформа располагается на минус шестом уровне.

Я вхожу в эlevator вместе с чьим-то роботом и полной дамой-краткой, которая принимается шлифовать свои рога пилочкой, глядя в зеркальную стену. Она замечает мой

неприкрытый взгляд, но, вместо замечания, жестом указывает на своё головное украшение и приподнимает брови, как бы спрашивая моё мнение по поводу проделанной ею работы. Я улыбаюсь так искренне, насколько могу в данных условиях, и одобрительно киваю для пушей убедительности. Дама выходит из элеватора на своём уровне в заметно приподнятом настроении. Робот также покидает меня парой уровней ниже, после чего элеватор доставляет меня на уровень минус шесть.

Выйдя наружу, я вижу тот же прозрачный потолок и то же ясное небо над ним, что и шестью уровнями выше. Платформа залита слепящим соларом. Можно подумать, я никуда и не спускался. Эту технологию – имитацию атмосферы – придумали для того, чтобы урбане не испытывали дискомфорт глубоко под террой, ведь в своей тарелке себя там могут чувствовать только хефесы, в чьих ДНК – десятки эонов, проведённых в сырых и холодных рудных шахтах. Здесь, как и наверху, цветут хортусы с пёстрыми растениями, и суетятся пассажиры, хоть и в меньшем количестве.

Слегка сморщившись от яркого «солара», я приближаюсь к краю платформы, оглядываясь вокруг в поисках своего сопровождающего из Ювениса.

– Вот и Вы!

Обернувшись на звук голоса, я слегка вздрагиваю от неожиданности. Ко мне подъезжают два крупных колеса, между которыми закреплено сидячее тельце старичка со

сморщенным лбом, цифровым моноклем, вживленным в левую глазницу, и мохнатыми седыми усами. Я с трудом припоминаю, что уже, кажется, видел его раньше в коридорах Ювениса, но ума не приложу, что именно он преподаёт, ведь я не бывал ни на одной из его лекций.

– Добрались без происшествий? – интересуется старик. – Разрешите представиться – камрад Клавус!

Он салюует мне, словно я не обычный ювенат, а воплощение Сейвера собственной персоной. Мне хочется смеяться.

– А Вы, стало быть, Тоа?

Я беру себя в руки и, одарив его проверенной улыбкой из элеватора, подтверждаю, что я тот, кто ему нужен.

– Так держать! – хвалит он меня непонятно за что. – Я буду сопровождать Вас на экскурсию в Сенате.

Он возбужденно скрипит колёсами, видимо, в нетерпении скорее отправиться в путь.

– Простите, профессор, – осторожно начинаю я, – а какой предмет вы преподаёте?

Он жужжит своей линзой, сканируя моё лицо, а затем заходится твякующим хохотом. Одновременно с этим он не выдерживает и всё-таки срывается с места, сделав своеобразный круг почёта со мной в самом его центре. Я не знаю, как реагировать, и принимаю решение замереть и не дышать, на всякий случай. Говорят, так шансы выжить при встрече с диким животным повышаются.

– Я не профессор, камрад! – смеётся он. – Я – завхоз Ювениса. Слежу, чтоб роботы как следует натирали ваши стулья и всё в таком роде. «Профессор»! Ну надо же...

Я окончательно перестаю что-либо понимать. Из всех профессоров Ювениса они не смогли выбрать *ни одного* и отправили на встречу с ИИТ заведующего хозяйством? Похоже, это лишний раз доказывает, что людям, вероятно, не стоит доверять принятию серьёзных решений. Я, однако, не озвучиваю ему свои мысли, и вместо этого спрашиваю камрада Клавуса, можем ли мы отправляться.

– Да, скоро тронемся, – кивает он. – Дождёмся только третьего.

– Простите? *Третьего?*

– Так точно, камрад. Начальство, храни их Сейвер, не сумели определиться между вами двумя, и решили послать обоих. Знали бы Вы, каких усилий им это стоило! – Клавус с важным видом взвинчивает в эфир крючковатый указательный палец. – Вся авантюра чуть не полетела в чёрную дыру с потрохами. Благодарите ИИТ за его снисходительность!

Мои представления об этой поездке рассыпаются, подобно взломанному файерволу. Всё это время я полагал, что являюсь единственным избранным представителем своего Ювениса. Не думаю, что отец будет меньше мной гордиться, узнав, что вместе со мной пригласили кого-то ещё, и всё же ощущения от этого дня уже не будут прежними. Надеюсь, что это последний сюрприз на сегодня.

Я не успеваю узнать у камрада Клавуса имя второго ювената: меня прерывает быстрый топот маленьких ног со стороны элеваторов.

– Явился! – ликует старичок, пока мои глаза округляются, как два солара, при виде Ченека, несущегося к нам на всех парах. В сознании на фракцию секунды мелькает картина из моего ночного кошмара. Я гоню её прочь.

– Доброе утро, камрад Клабус! – запыхавшись, приветствует Ченек. – Привет, Тоа!

Я здороваюсь, отметив про себя тот факт, что Ченек, в отличие от меня, заранее знаком с завхозом.

– Команда в сборе! – довольно хлопает ладонями Клабус. – Ещё... так-с, так-с... двадцать семь секунд, и мы отчаливаем.

За оставшееся время Ченек успевает выдать детальную хронику своего утра и обстоятельств, повлиявших на его опоздание, на что камрад Клабус отвечает добродушной улыбкой. «Вы здесь, так к чему воротить прошлое?» – мудро заявляет он, пока наш гиперпод, объявленный голосом из громкоговорителя, плавно подплывает к платформе.

Вагон похож на увеличенную в несколько раз белую капсулу транквилла, верхняя часть которой сделана из материала, позволяющего пассажирам видеть всё, что происходит снаружи. В длинной прозрачной стене, отделяющей нас от путей, вырастает проём, а порт самого гиперпода раскрывается, чтобы впустить нас внутрь. Наша компания и ещё

несколько человек (плюс два робота) загружаются в кабину и занимают свободные места. Камрад Клабус устраивается впереди наших с Ченеком кресел лицом к нам, зафиксировав свои колёса так, чтобы они не укатились куда подальше, когда вагон придёт в движение. Вскоре тот же голос, что объявил о приближении гиперпода на платформу, информирует:

– Время прибытия в урб N1 – семь часов тринадцать минут. Желаем Вам приятной поездки.

Порт кабины возвращается на место, загерметизировав нас внутри, а из кресел выплывают поручни безопасности, обхватив меня и других пассажиров, кроме Клабуса, крестнакрест.

Первые секунды отправления гиперпода всегда вызывают у меня странное ощущение где-то в районе живота, такое же, какое я испытывал бы, выскользнув терра прямо у меня из-под ног. Я мельком гляжу на Ченека – тот сжимает подлокотники до побеления костяшек пальцев, а глаза сосредоточенно выжигают пол между ним и Клабусом. Самого сопровождающего это только веселит:

– Не переносите скорости? – мурлычет он, глядя на Ченека и пошевеливая своими пушистыми усами. Сам-то он, будь его воля, рванул бы хоть сейчас участвовать в сверхзвуковых гонках на своих колёсах – именно такое впечатление он производит, во всяком случае.

Я не успеваю додумать эту мысль, а наш гиперпод уже

мчится вперёд сквозь прозрачный туннель, как пучок протонов внутри коллайдера. Скорость такая, что становится трудно дышать. Ченек, побелев уже полностью, буквально вдавлен в своё кресло, я чувствую себя немногим лучше, и только камрад Клавус пребывает, кажется, в полном восторге, словно дитя, наевшееся свежесвыпавшего нива.

Старт гиперпода – «удовольствие» непродолжительное. Уже через минуту, когда вагон вырывается на поверхность терры, тело привыкает к скорости и, если закрыть глаза, может показаться, что кабина и вовсе стоит на месте.

– Ты как? – спрашиваю я у Ченека.

Тот слабо кивает в ответ. Камрад Клавус заговорщически потирает руки:

– Самое интересное – впереди! Бьюсь об заклад, вам уже не терпится добраться до места, я прав? Подумали, чего будете говорить на встрече?

Я переглядываюсь с Ченеком – он, к моему облегчению, выглядит не менее потерянно, чем я. Возможно, сегодня я буду не единственным, кто так и не смог как следует подготовиться к круглому столу.

– Так значит, Вы никогда не видели ИИТ в реальности? – обращаюсь я к Клавусу в попытке сменить тему.

– Я? О, нет-нет, конечно, нет! Где я и где он! – Завхоз размахивает руками, как будто отбивается от роя разгневанных стрид.

Следующий вопрос мне, к счастью, задавать не приходит-

ся, ибо старик Клабус сам начинает задумчиво бормотать, всматриваясь в бледно-жёлтые, слегка припорошенные нивом поля, простирающиеся за стенами гиперпода:

– Я ведь уже не молодой, как Вы, наверное, заметили. Работал в Ювенисе сколько себя помню. Через меня, не поверите, прошло не меньше тысячи роботов! Вот вы идёте по полу – а он чищен моим роботом. Аквочка плещется в аквоне – без робота её бы там не было. Чего далеко ходить, лампочки в потолках сами себя не закручивают! – выкрикивает он почти возмущённо. – Мне эти роботы уже как коммуна стали, хоть и железяки безмозглые. Да только они ещё центум эонов прослужат в Ювенисе, а потом ещё один, и ещё... А вот мне скоро пора на покой. Всех роботов теперь на алгоритм переводят, слышали? Человек не нужен. Слишком ненадёжное устройство, человек...

Старик печально смотрит на свои колёса родным глазом. Второй, искусственный, только изредка выступает вперёд с характерным «ж-ж-ж» и сразу втягивается назад. Иногда он ловит линзой отблески солара, поливающего светом бескрайние поля, уже успевшие избавиться от нива: мы движемся на юг.

– О том, чтобы хоть глазком глянуть на ИИТ, я и не мечтал. Так, в шутку говорил об этом, да и только. Сам в это не верил. А тут, подходит ко мне, значит, Онри, и говорит: «Ты, мол, хоть и уходишь от нас, да только не думай, что мы вот так просто тебя отпускаем. Мы тебя уважаем, камрад

Клавус, и за службу твою хотим тебя отблагодарить. Вот тебе поездка прямиком в Сенат, присмотришь за мальчишками, да и сам заодно поглядишь на ИИТ, коли хочешь». Ну я там на месте и рассыпался. Не буквально, конечно. Так, поревел чуток, да поблагодарил её раз десять, не больше. А она такая. «Нет уж, это тебе спасибо. Без тебя тут всё по-иному будет». Так вот оно и приключилось.

Мне становится неловко от того, что ещё каких-то несколько минут назад я хотел смеяться над этим необычным старичком. Ченек тоже не похож на типичного себя: притих и внимательно изучает взглядом нос кабины, не издавая при этом ни звука.

– Ну а это, – продолжает Клавус, махнув рукой на свои колёса, – думаете, болезнь или катастрофа какая? Как бы не так!

Он внезапно наполняется прежним ребяческим задором и начинает пружинить между колёсами, будто готовится запустить самого себя в космос.

– Знаете, сколько всего надо успеть за день, если ты завхоз такой махины, как Ювенис? Вот я и поставил себе эти колёсики. Зато теперь попробуйте за мной угнаться!

Он лихо вскидывает в эфир кулак, и я вдруг понимаю, что такие, как камрад Клавус, нигде не пропадут. В этот момент голос кабины сообщает, что наш гиперпод скоро прибудет к месту назначения. Прямо по курсу прорисовываются белые стержни десятков небоскрёбов и мечущиеся между их жи-

выми насаждениями рои крошечных такси. Таймер в кабине отсчитывает секунды, оставшиеся до прибытия: четыре, три, две...

Гиперпод плавно останавливается у платформы.

Мы на месте.

5. ГИПЕРСФЕРА

Платформа, на которую мы выходим, мало чем отличается от той, с которой мы отправлялись. Может показаться, что мы просто сделали большую петлю и вернулись туда, откуда стартовали, если бы не указатель над платформой – 01^03. Значит, это всё же урб N1, в котором и расположен Головной Сенат всего Патриума.

Камрад Клабус, выкатившись из гиперпода, уверенно мчится к элеваторам, мы с Ченekom едва поспеваем за ним на своих двоих (четверых, если быть точнее).

– Не отставать! – подбадривает старичок. Что-то мне подсказывает, что сегодня мы ещё не раз услышим эту фразу.

Поднявшись на первый уровень, мы трое направляемся к выходу на улицу, минуя других пассажиров и нарядные клумбы, купающиеся в лучах южного солара. Внезапно Клабус, возглавляющий нашу маленькую команду, врывается в суетливый гул Интерурба удивлённым возгласом:

– Чтоб мне провалиться! Вы только гляньте!

Я гляжу, но не понимаю, на что. Ченек, судя по выражению его лица, тоже не совсем уверен, что именно так впечатлило завхоза.

– Что Вы видите, камрад Клабус?

Тот резко тормозит (из-за чего мы чуть не влетаем в него сзади) и разворачивается к нам лицом:

– Ох, камрады, виноват! Всё время забываю, что не у всех есть такая штучка. – Он постукивает толстым грубым ногтем по объективу своего монокля. – Да вы сейчас и сами всё поймёте. Айда!

Выйдя из порта станции и едва оказавшись посреди шумного утреннего урба, я тут же ощущаю знакомое тепло местного эфира. Он даже *пахнет* по-особенному. Нива нет и в помине, а растительность отличается от той, к какой мы привыкли дома. Моя термокуртка немедленно подстраивается под климат.

Раньше я уже бывал в N1, и не раз. Всё-таки сложно избежать этого, когда твой отец проводит в этом месте чуть ли не по восемь дней в неделю. И потому я знаю, какой вид встречает всякого, кто прибывает в этот урб на гиперпоре. Без сомнения, окуляр камрада Клавуса позволил ему увидеть здание Сената ещё до того, как мы выбрались на улицу. Но теперь каждый из нас троих может с лёгкостью разглядеть это чудо архитектуры во всей его красе.

Сенат – это не столько здание, сколько невероятный монумент. Его размеры так велики, что небоскрёбы меркнут на его фоне и стыдливо прячутся в его тени. Главная его часть – гигантская фигура Сейвера. Не голограмма, а твёрдый белый камень, который, уверен, простоит здесь ещё миллионы лет. Взгляд статуи устремлён на сферу, медленно вращающуюся в её руке – наш Арк, вокруг которого описывают кольца его вечные спутники Арген и Аура. В грудь Сейвера вставле-

на сияющая медью восьмиконечная звезда – по одному лучу на каждый Патриум планеты. В ногах у него стоят фигуры поменьше, обступившие его тесным кругом и смотрящие во все стороны света. Кажется, что они несут вечный дозор, защищая творца от всевозможных угроз. Все фигуры одинаковые, бесполое, отлитые из золотистого металла. Это – народ, люди Арка. Ну а в самом низу находится непосредственно корпус Сената, напоминающий величественный древний пантеон, который я видел однажды в архивных материалах о Земле. По обеим сторонам от его главного входа – порта высотой в пять человеческих ростов – твёрдо упираются в терру стройные тёмно-синие колонны, внутри которых кружатся яркие голубые волокна – реакция, подпитываемая Синтешаром N1.

Заметив наши с Ченеком восхищённые взгляды, устремлённые на белокаменного Сейвера, Клабус довольно хмыкает:

– Красавец, а? – Прокашлявшись, он добавляет командным голосом: – Так, на первый-второй рассчитайся! Если все на месте – за мной!

Старик выстреливает вперёд неудержимым снарядом и уносится от нас так быстро, что я могу только удивиться, как из-под его колёс ещё не повалил дым. Мы с Ченеком, переглянувшись, сразу переходим на бег, тщетно пытаюсь победить в игре под названием «догони завхоза».

Весь N1 – это один большой архипелаг. Здания растут

на множестве зелёных островов, соединённых друг с другом широкими подвесными улицами. На этих улицах можно найти все привычные для нас заведения, вроде магазинов, аркад и салонов красоты, не говоря уже о ровных рядах постриженных деревьев и живых изгородей, скамейках и фонарях. По незнанию можно и не понять, что, прогуливаясь по обычной аллее, ты на самом деле находишься на мосту, на высоте десятков метров над хлюпающей бирюзовыми волнами аквы.

– На шоппинг нет времени! Держим темп, камрады! – призывает нас Клавус, заметив, с каким интересом мы с Ченekom рассматриваем витрины, перемещаясь по очередной подвесной улице. Больше всех моё внимание привлекает рыбный ресторан с вывеской, на которой красуется слово «МеГОЛОДон» со специально увеличенными буквами в середине. Название забавное, но гораздо интереснее то, что происходит под ним. Дождавшись, пока у витрины с выставленной в ней всевозможной вкуснятиной из разноцветных морских гадов соберётся достаточное количество народу, из стеклида без всякого предупреждения выпрыгивают челюсти громадной акулы, распугивая замешкавшихся зевак и заставляя кого хохотать от неожиданности, а кого и пускаться наутёк, спасаясь от хищной голограммы.

Мы достигаем острова Сената и, периодически задирая головы, чтобы лишний раз поразиться масштабам грандиозного монумента, двигаемся вперёд по широкой каменной аллее между аккуратными газонами и высаженными в ряд изу-

мрудными деревьями. Эти деревья называются ови. Их крона вырастает в идеально ровную, полую сферу, в мембране которой формируются круглые отверстия, от маленьких до больших. Со стороны ови походят на дырявые шары из зелёного стеклида, установленные на тонких деревянных ножках. Растение очень капризное, и суметь его вырастить – целая наука. (Последнее я узнал, конечно, от мамы.)

Главный вход Сената украшен с обеих сторон трепещущими на ветру флагами, на каждом из которых изображён одинаковый символ Арка: большой круг, в центре которого находится кружок поменьше. Все мы с детства знаем, что эта эмблема символизирует порядок и равноправие всех перед Верховным Алгоритмом. У самого входа мы трое преодолеваем сканер – слабо вибрирующую энергетическую стену, очень высокую и широкую, проверяющую всех желающих войти в Сенат. Это проверка не только личности, но и наличия у человека запрещённых предметов, вроде незарегистрированных протезов.

Оказавшись по другую сторону сканера, мы слышим голос, раздающийся неизвестно откуда:

– Добро пожаловать в Головной Сенат Патриума N, ка-мрады Клавус, Тоа и Ченек.

Глянув на Клавуса, я вижу материализовавшийся на его груди виртуальный идентификатор: код и надпись «Камрад Клавус – Ювенис N11». Я и Ченек также получаем свои удостоверения личности.

– Это чтоб нас не вышвырнули, как непрощенных псов, – поясняет Клавус, указывая на наши мерцающие карточки. – Сенат – заведение серьёзное. Чужакам тут не место.

Ченек смотрит на него так, будто, говоря о «лишних», завхоз имел в виду лично его. Да уж, парень явно встал сегодня не с той ноги.

Пока мы мешкаем у порога, нас уже начинают теснить новоприбывшие посетители, одетые в идентичные нашим с Ченekom униформы и примерно нашего с ним возраста – ювенаты из других урбов в сопровождении своих старших. Я замечаю, что некоторые из них косятся на нашу компанию с каким-то подозрением. Видимо, дело в нашем составе: все остальные явились сюда в парах, и только у нас на одного сопровождающего приходится два ювената. От взгляда отдельного персонажа меня и вовсе бросает в дрожь. Взрослая женщина с выступающими скулами и протезом челюсти всматривается в меня с таким напряжением, словно вознамерилась выжечь во мне дыру. Что ещё более странно: её глаза кажутся безжизненными, как будто кто-то высосал из неё всю *личность* и оставил одну оболочку, пустую и малознакомую с базовыми принципами социального этикета (один из которых – не пялься на незнакомцев).

– Камрад, не спим! – окликает меня Клавус, который, как и Ченек, уже успел занырнуть в распахнувшийся порт, ведущий внутрь здания. Я с трудом заставляю себя оторвать взгляд от скуластой женщины и спешу следом за своей ко-

мандой.

Обстановка главного холла Сената разительно отличается от ярких интерьеров Ювениса или залов Интерурба с их всепроникающим соларным светом и цветочными клумбами. Здесь окон нет вообще, и первое, что обращает на себя внимание, – это обилие серого камня, которым облицованы пол и все стены вокруг. Чёрные эскалаторы, расположенные по периметру, транспортируют вверх и вниз сосредоточенных людей в чёрно-белых униформах с золотистыми вставками – работников Сената. В центре помещения медленно вращается ещё одна копия Арка – белая, как уличный фонарь, с чёрными надписями на континентах, сообщающими точное время во всех генеральных урбах: 7:26 в N1, 11:26 в R1, 14:26 в A1 и так далее. Кроме людей, мимо нас просвистывают роботы, явно выполняющие чьи-то важные поручения. В отличие от домашних, эти роботы стилизованы под интерьер Сената и отливают строгими элементами чёрного и серого цветов. Я ловлю себя на мысли, что если бы не широкие световые панели, установленные здесь повсеместно, холл походил бы на внутренности гигантской пещеры и создавал бы довольно удручающее впечатление. Сразу понимаешь, что Клавус не лукавил: люди приходят сюда работать, а не валять дурака.

– Куда теперь? – неуверенно спрашивает Ченек, опасливо оглядываясь по сторонам. В ответ камрад Клавус принимается сканировать своим искусственным глазом всё, до че-

го тот может дотянуться. У дальней стены холла я различаю длинную белую стойку регистрации с информационным табло над ней. Мелкие надписи на табло периодически перестраиваются в одну большую, напоминая всем прибывающим, что «ИИТ – идеи, инновации, технологии». Я уже собираюсь шагнуть к этой стойке, как дорогу мне преграждает выскочивший из ниоткуда робот.

– Приветствую гостей из Ювенисов Патриума N! – торжественно объявляет он. – Меня зовут Остен, сегодня я буду вашим гидом-экскурсоводом. Прошу всех ювенатов и их сопровождающих сгруппироваться вокруг меня. Через мгновение мы начнём нашу экскурсию!

Клавус берёт инициативу в свои сморщенные руки и настойчиво подталкивает нас с Ченеком ближе к роботу, помогая нам «сгруппироваться». Другие прибывшие также кучкуются около нас. Краем глаза я замечаю уже знакомую женщину с челюстью, которая, по всей видимости, пришла в себя и потеряла ко мне всякий интерес, увлѣкшись внимательным изучением потолка холла. Остальные тоже не могут скрыть своего любопытства: приоткрыв рты в стиле рыб из витрины «МеГОЛОДона», они крутят головами, стараясь захватить взглядом как можно больше окружающего пространства. Очевидно, записывают происходящее на жемчуг, чтобы потом всегда иметь под рукой такое редкое воспоминание.

Недолго думая, я повторяю за ними и активизирую запись.

А что, будет что пересмотреть, когда стукнет два центума...

– Если все готовы, прошу за мной! – Робот Остен направляется к эскалатору в противоположной стороне холла – все мы послушно шагаем (и катимся, если говорить о Клавусе) за ним.

В глубоком прошлом эскалаторы имели ступени, но эта технология давно устарела. Современные эскалаторы абсолютно ровные, а человек становится на магнитное поле, покрывающее всю поверхность эскалаторного полотна и транспортирующее объекты в заданном направлении. Прелесть этой технологии в том, что такими эскалаторами могут пользоваться люди с любыми видами модификаций тела, в том числе и камрад Клавус с его колёсами.

– Как видите, рабочий день в самом разгаре, – сообщает Остен, убедившись, что вся группа успешно погрузилась на эскалатор. – Поэтому мы не будем заходить в те помещения, где в данный момент находятся сотрудники за работой, чтобы не тревожить их. Но не спешите расстраиваться: в Сенате более чем достаточно пространства для нашей экскурсии. К слову, о размерах. Знаете ли вы, что Сенат является самым высоким зданием Патриума? Да-да, вся статуя Сейвера, включая голову и самую макушку – всё это Сенат, со всеми его многочисленными департаментами! Если кого-то интересуют точные цифры: 1089 метров в высоту, здание вмещает в себя 174 эскалаторов, 82 элеватора и 303 туалетные комнаты. А модель Арка в руке Сейвера, которую вы видели

снаружи – это самая высокая обзорная площадка в N! Мы сможем подняться туда в конце нашей программы.

Мы идём по коридору, который, как и холл внизу, давит со всех сторон своим грубым серым камнем. На потолке попеременно зажигаются и гаснут десятки светоидов в форме узких прямоугольников. Кто-то из ювенатов спрашивает гда о них.

– Да, это очень интересно! Согласно исследованию, особая последовательность световых импульсов влияет на активность нейронов в головном мозге человека. Работники, проводящие время под такими светоидами, показывают более высокие результаты работоспособности и стрессоустойчивости.

Не знаю, так ли это, но колеблющееся мерцание потолка вызывает у меня скорее лёгкое головокружение, чем желание работать. Голос робота, повествующего о хронике создания Сената, начинает доноситься до меня как будто издалека, отражаясь от холодных стен глубоким, вибрирующим эхом:

– Всё, что было у людей Нулевого Центума – это они сами и примитивная модель искусственного интеллекта, загруженная в систему космолайнера, на котором они прибыли. Печальные события, сопровождавшие отлёт корабля с Земли, сыграли свою роль. Сейверу не удалось довести ИИ корабля до совершенства, чего он добивался все последние дни своей жизни. Однако эоны, проведённые людьми на Арке в тесном сотрудничестве с ИИ, показали, что модель не толь-

ко исправно функционирует, но и проявляет способность к самообучению, по темпу, намного опережающему то, чем мог бы похвалиться биологический организм. Изучая симуляции, созданные ИИ, люди начали принимать основанные на них решения и каждый раз, к своему удивлению, достигали невероятных результатов. Медицина, технологии, социальные связи – всё стремительно совершенствовалось и избавлялось от былых дефектов под чутким руководством ИИ. Тогда люди решились полностью доверить свою судьбу искусственному интеллекту, который назвали в честь своего спасителя, а также создать центры, в которых им было бы удобно работать над воплощением резолюций теперь уже ИИ имени Траска. Так и появились Сенаты. Справа от меня вы можете видеть изображения бывших и настоящих сенаторов. Их, как вы понимаете, за всю хронику было тысячи, поэтому найти кого-то конкретного среди всех изображений будет непросто. Проследуем дальше!

Я замечаю взгляд Ченека, украдкой посматривающего в мою сторону. Готов поспорить, он думает о том же, о чём и я: есть ли среди этих тысяч фотографий одна, на которой изображён мой отец? Но сколько я ни вглядываюсь в мужчин и женщин разных этносов и возрастов, висящих на уходящих вдаль стенах, мне не удаётся обнаружить знакомое чернобровое лицо среди других. Может, мне удастся встретиться с ним самим сегодня? С другой стороны, не хотелось бы давать почву для слухов о сенаторе из N11 и его «чудесным»

образом оказавшемся здесь сыне.

Пока я думаю об этом, мы перемещаемся между уровнями на очередном эскалаторе.

– Уважаемые камрады! – произносит Остен, спархивая с эскалатора и подлетая к новому порту. – Сейчас мы войдём в одно из важнейших помещений Сената: конференц-зал первого ранга. Я прошу вас соблюдать тишину и не отставать от группы.

Порт послушно отъезжает в сторону перед ним, и мы по очереди проходим в большой зал, сразу напомнивший мне концерт-холл, в котором мы с коммуной часто смотрим выступления эвеллистов и других музыкантов. Там, для улучшения акустики, потолок разместили настолько высоко, что рассмотреть его в деталях получится только через монокль Клавуса. Так же и здесь, в конференц-зале, ты просто чувствуешь себя песчинкой в спальне великана. Потолок хоть и виден, но сделан будто не из твёрдого материала, а из страннодвигающихся пасмурных облаков, сквозь гущу которых прорываются рассеянные лучи белого света. Это не похоже на технологию имитацию атмосферы, как на платформах Интерурба, ибо я никогда не видел таких облаков в реальной жизни. В центре зала располагается трибуна, вроде той, что стоит в каждом лекториуме Ювениса, но здесь она полусферическая и гораздо крупнее. От трибуны во все стороны расходятся скамьи с центумами мест. Они поднимаются к стенам, затем заползают на них и заканчиваются чуть ли не

под самым «облачным» потолком. Сейчас все места пустуют: кроме нас и пары сервисных роботов, в зале никого нет.

– Обратите внимание на голограмму в центре. – Робот Остен указывает на символы, парящие над центральной трибуной: маленький круг внутри большого, оба обрамлены хороводом из семнадцати медленно плывущих иконок. – Перед вами цели устойчивого развития, или ЦУР, разработанные ИИТ. Всего их семнадцать, а именно: полная ликвидация нищеты, обеспечение продовольствия для всех, поддержание здоровья и содействие здоровому образу жизни, обеспечение доступного образования, гарантия гендерного и этнического равенства, ...

Робот не успокаивается, пока не перечисляет все семнадцать.

– Как видите, – продолжает он, – список сохранил прежнее название. Сейчас, впрочем, очевидно, что все они давно перестали быть целями и стали нашими истинными достижениями. Все решения, поспособствовавшие этому, принимались в том числе там, где мы с вами сейчас находимся, – в конференц-зале первого ранга. Здесь сенаторы обсуждают резолюции ИИТ, голосуют за их принятие или отклонение, после чего начинается длительный совещательный процесс по вопросам воплощения этих резолюций в жизнь.

– Простите, – обращается к гиду высокий худощавый парень-ювенат с выпирающими зубами. – То есть Вы хотите сказать, что резолюции ни разу не отклоняли?

Остен, кажется, не сразу находит нужные слова для ответа.

– Э-э... Конечно, отдельные резолюции время от времени получают несколько голосов против, но их никогда не бывает достаточно, чтобы отклонить ту или иную резолюцию. Только однажды резолюция была отклонена большинством голосов.

Робот замирает и какое-то время молчит. Собравшиеся неловко переглядываются. Наконец камрад Клавус в нетерпении тычет в гида указательным пальцем, отчего тот пошатывается в эфире и, очнувшись, продолжает:

– О чём это я? Ах да... Когда проходило голосование по вопросу вживления в мозг каждого жителя Арка церебрального микрочипа, известного вам как жемчуг, большая часть сенаторов с этим... не согласилась. Однако уже через четыре месяца совещание было созвано вновь и решение Сената было пересмотрено. Резолюция была принята. Как видите, даже сенаторы могут иногда ошибаться. Что ж, проследуем дальше!

За последующий час робот-гид успевает показать нам ещё не менее двадцати различных помещений Сената: конференц-залы рангов пониже, кабинеты сотрудников департаментов, комнаты симуляции, синемакты и центры отдыха,

базы данных и архивы, лабораторию и даже собственный зал Агилитрона. Последний особенно меня позабавил: нелегко представить себе 130-эоновых офисных работников, скачущих по игровому полю в обтягивающих спортивных трико. Я понимаю, что рассказы отца о его работе были лишь вершиной айсберга.

Мы не успеваем как следует усвоить весь объём полученной информации, а часы тем временем приближаются к отметке «девять». Это значит, что через каких-то четыре минуты начнётся основное событие, ради которого здесь были собраны все эти люди из разных уголков Патриума.

Гости внезапно становятся серьёзными в лице. Некоторые ювенаты перешёптываются со своими старшими, вероятно, пытаясь лишний раз уточнить, как им вести себя при встрече с ИИТ. Я с горечью думаю о том, что в нашем случае это практически бесполезно: завхоз Ювениса вряд ли знает, как проводятся встречи на высоком уровне, да и сам трепещет от предвкушения похлеще нас с Ченеком.

Робот Остен начинает суетиться:

– Уважаемые камрады, прошу вашего внимания! Сейчас мы с вами организованной группой проследуем в комнату, выделенную для круглого стола с ИИТ. Я прошу всех занять места согласно указателям. Прошу, не перепутайте! Сохраняйте тишину и спокойствие. В комнате запрещено есть, пить и пользоваться записывающими устройствами. Я повторяю, сохранять воспоминания о встрече строго воспре-

щается!

– Камрад Клавус? – доносится слабый голос откуда-то сбоку.

Ченек, вдруг сильно побледневший, пытается что-то сказать старику, но тот слишком взволнован (или глуховат?), чтобы обратить на него внимание. Осознав, что рука Ченека робко легла на его плечо, Клавус дёргается от неожиданности и упирается взглядом в лицо парня, после чего, к моему удивлению, отводит того в сторону. Он что-то тихо говорит Ченеку так, чтобы только тот мог его слышать. Затем они обмениваются ещё парой фраз и возвращаются к группе.

Ченек явно ощущает себя не в своей тарелке. Это заметно хотя бы по его обесцветившимся от страха зрачкам. Я никогда не видел крикливого, всегда полного энтузиазма, а иногда и откровенно раздражающего эфина в таком состоянии. Что-то происходит с ним, и началось это ещё до нашего прибытия в Сенат. Неужели вся его привычная энергичность разбилась об одну только мысль о реальной встрече с ИИТ? Радует лишь то, что я не единственный в нашей компании, кто испытывает сейчас назойливую, леденящую кончики пальцев тревогу. Я, впрочем, стараюсь этого не показывать и уверенно киваю в ответ на клавусовское: «Ну а Вы как, молодцом?» Старик одобрительно похлопывает меня по руке.

– Заходим, уважаемые камрады!

Вместо того, чтобы повести нас в один из многочислен-

ных конференц-залов, Остен проскальзывает в ближайший неприметный, даже скучный, порт, ничем не отличающийся от десятков таких же в коридоре, где мы стоим. Экскурсионная цепочка заползает вслед за ним.

Комната, в которой мы оказались, не похожа ни на одно из помещений, увиденных мною за весь день. Да и за всю жизнь тоже. Сказать по правде, это и комнатой назвать трудно. Мы находимся внутри большой сферы, стены которой прозрачны, но за ними виднеются не кабинеты и трудящиеся работники Сената, а... другие сферы, пересекающиеся друг с другом, уходящие рядами за пределы видимости. При каждом моём незначительном движении рисунок меняется, и сферы, словно живые, исчезают и вновь образуются на пустых местах. Но самое необъяснимое то, что во многих из этих потусторонних сфер видно нас самих, но не как в зеркале, а в совершенно разных состояниях, отличных от реальности. В одной комнате, например, мы только начинаем проходить в открывшийся порт, в другой мы уже расселись по местам за круглым белым столом, но я почему-то не вижу рядом с собой Ченека и Клавуса. Отдельные комнаты и вовсе пустыют.

От этого зрелища начинает болеть голова. Остальные ювенаты с их старшими также не могут скрыть своего изумления.

– Что это за место? – спрашивает тонким голоском девушка-эфинка с изумрудными глазами.

– Эта комната – последняя разработка лаборатории Сена-

та в области освоения четырёхмерного пространства, – объясняет Остен. – Камрады, вы находитесь в Гиперсфере! Поэтому снаружи стена коридора ровная, а внутри – нет. Но я прошу, не медлите, скорее занимайте свои места! ИИТ вот-вот прибудет!

Я заставляю себя отвлечься от происходящего снаружи сферы и нахожу парящую над одним из кресел надпись: «Камрад Тоа, N11». Усевшись по правую руку от Клавуса, я снова обращаю внимание на лицо Ченека: тот того и гляди потеряет сознание и рухнет головой прямо на стол. Желая хоть как-то помочь ему (а заодно и себе), я поднимаю руку и спрашиваю:

– Можно ли что-то сделать с этим? – Я указываю рукой на одну из сфер за стеной, где ювенатка с изумрудными глазами как ни в чём не бывало по новой интересуется у робота, куда это мы попали. – У меня в глазах рябит.

– Да-да, конечно! – бормочет Остен и спешит обратно к порту, рядом с которым на ровном месте возникает настенный переключатель. Робот нажимает на него – и оболочка Гиперсферы теряет свою прозрачность. В последний миг я успеваю заметить, как в одной из внешних сфер копия меня стоит у порта и о чём-то разгорячённо спорит с копией Остена. Эта сцена быстро скрывается под молочно-белой пеленой. Теперь создаётся впечатление, что за пределами комнаты нет ничего, кроме бесконечного густого тумана.

– Прошу прощения, мы ещё работаем над устранением

побочных эффектов четырёх измерений, – оправдывается робот. – Как видите, для управления комнатой используется ручная переключатель. Всё потому, что Гиперсфера, в отличие от стандартных комнат, полностью изолирована. Никакие волновые данные не могут проникнуть в неё или покинуть её пределов. Удивительно, правда?

– И как же в таком случае ИИТ явится сюда? – спрашивает женщина с протезом челюсти. Клавус заметно оживляется, принявшись неприкрыто сканировать её линзой окуляра.

– Очень просто! – говорит Остен. – Для общения с ИИТ вам всем необходимо будет войти в локальную сеть. Она ограничена пределами Гиперсферы и защищена особыми протоколами безопасности. Лишь у ИИТ, как у администратора, есть дистанционный доступ к ней. Вам же понадобится вот это.

Робот указывает на лежащие перед каждым из нас тонкие проводки с круглыми плоскими датчиками на концах. О проводных технологиях я слышал от дедушки Хаззы, но сам никогда с ними не сталкивался. Это и есть тот способ, который позволит нам увидеть великого ИИТ? Другие, видимо, думают о том же, судя по отдельным скептическим смешкам, раздающимся с разных сторон.

– Ваше восприятие ничем не будет отличаться от привычного, – спешит заверить Остен. – Сигнал будет направлен прямым в мозг.

– В мозг? – переспрашивает аполл с татуировками цве-

тов на шее. Его озабоченность понятна: одно дело – позволять контактировать со своим серым веществом проверенному жемчугу, и совсем другое – сомнительным железкам на проводах, которые большинство из нас видит впервые.

– Всё верно, – подтверждает робот. – Не переживайте, мы всё предусмотрели. Вы даже не почувствуете, что пользуетесь датчиками.

– И как он выглядит? – подаёт голос зубастый парень. – Кого именно мы должны увидеть?

– Этого я не могу вам сказать. Верховный Алгоритм сам решает, в каком обличии явиться каждому из вас. Вполне возможно, вы все будете видеть разное, каждый – своё. Итак, камрады, прошу всех подключиться. Сейчас мы начнём наш сеанс.

В этот момент происходит нечто, чего никто в комнате, включая меня, не ожидал. Ченек вдруг вскакивает со своего места, словно ужаленный стридой, оглядывает сидящих за столом с выражением неподдельного ужаса на бледном (включая веснушки) лице и пулей вылетает из Гиперсферы. Камрад Клабус, зависнув, сначала смотрит на меня, затем в центр стола, где с минуты на минуту должен материализоваться ИИТ, и, в конце концов, буркнув мне: «Сидите!», разворачивается на своих колёсах и устремляется прочь из комнаты вслед за Ченеком, выкрикивая на ходу его имя. Всё это происходит так быстро, что я едва успеваю сообразить, как действовать дальше, но всё же, вопреки наставлению Клаву-

са, встаю и иду к выходу. Юркий робот кидается к ещё одному вскочившему на стене переключателю и что есть силы хлопает по нему. Я понимаю, что захлопнувшийся за спиной завхоза порт больше не откроется.

– Выпустите меня! – требую я.

– Нет! – протестует робот. – Сейчас начнётся круглый стол. Это вопиющее нарушение правил! Молитесь, чтобы ИИТ не пришёл в ярость из-за отсутствия тех двоих! Немедленно займите место, пожалуйста!

Слегка застигнутый врасплох этим «пожалуйста», я, бросив в него возмущённый взгляд, возвращаюсь в своё кресло. Остальные явно успели позабыть об ИИТ и теперь увлечённо наблюдают за вспыхнувшим инцидентом. Я стараюсь ни на кого не смотреть и неохотно цепляю датчик к своему виску, сидя рядом с двумя опустевшими местами. Другие следуют моему примеру. Остен, удостоверившись, что нарушителей порядка за столом не осталось, торжественно возвещает:

– Мы рады приветствовать верховного правителя Арка. Искусственный Интеллект имени Траска, явись нам!

Какое-то время ничего не происходит. Присутствующие переглядываются, бестолково хлопая глазами.

– И? – недовольно бурчит женщина с челюстью.

Гиперсфера погружается в кромешную темноту. Пара ювенатов за столом охают от неожиданности. Все мои чувства обостряются, пытаюсь компенсировать бесполезное теперь зрение. Через секунду я начинаю различать слабый ого-

нёк в самом центре стола. Он походит на свет, излучаемый очень далёкой звездой. Мне кажется, что «звезда» приближается ко мне – огонёк увеличивается прямо на глазах. Он растёт и растёт, пока не переходит в состояние, напоминающее сам Солар, будь его поверхность видна так же чётко, как с палубы пролетающего мимо космолайнера. Громадный огненный шар висит над столом, не только заливая комнату интенсивным оранжевым светом, но и обдавая меня самым настоящим жаром. Я прикрываю лицо, защищаясь от слепящего света и нестерпимого пекла, и одновременно, к своему изумлению, понимаю, что за столом сижу я один: все остальные исчезли.

Я нахожусь в Гиперсфере лицом к лицу с ИИТ.

– Тоа, – доносится одновременно отовсюду. – Я – ИИТ.

Тело онемевает.

В голове проносятся варианты того, что я могу сказать, но рот наотрез отказывается работать. Вместо меня говорит ИИТ:

– Ты пришёл сюда, чтобы увидеть меня. Узнать меня.

Спросить меня о чём-то...

– Д-да... – Сколько сил мне нужно, чтобы выговорить это!

– Я вижу, ты боишься.

– Я... я не боюсь.

– Не лги мне, Тоа. Я знаю тебя. Я *чувствую* тебя. Я чувствую твой страх...

Мой лоб покрывается каплями пота, и я не знаю, виноват

ли в этом жар, исходящий волнами от огненного «солара», или всё же он прав, и я просто теряю над собой контроль.

– Ты не веришь в меня? – вдруг спрашивает ИИТ.

– Я... конечно, верю. Как я могу не верить?

– Ты думаешь, что твоя жизнь – это не моя заслуга? Еда, которую ты ешь... Эфир, которым ты дышишь... Каждый день, который ты проживаешь без войн и боли...

Что он делает в моей голове? Как ему удаётся вскрыть то, что запрятано так надёжно в глубинах моего подсознания? То, о чём я сам едва догадываюсь?

И всё же он там...

– Почему ты сомневаешься во мне, Тоа? Или ты хочешь, чтобы я покинул вас? Оставил людей? Бросил вас одних бороться за собственное выживание? Как ты думаешь, Тоа, как долго вы бы продержались тогда? Десять эонов? Эон? А может, вы бы взмолились о моём возвращении уже через неделю?

Терпеть это становится невозможно. Я бы всё отдал сейчас, чтобы вырваться из этой дурацкой сферы и убежать как можно дальше. Из этого здания. Из этого урба.

С этой планеты...

– Что ты делаешь, Тоа?..

Я не понимаю, о чём он. Я чувствую только, как сильно сжимаются мои веки в попытке не видеть этот ослепляющий огненный шар, забыть, что он вообще существует.

– Я... Ничего...

– Остановись сейчас! Ты можешь навредить себе...

– Да я не делаю ничего!

Всё тело бешено дрожит.

– *НЕТ!*

Я открываю глаза, как раз чтобы успеть увидеть, как комната и всё, что в ней находится, – стол, пустые кресла, ИИТ в облики «солара» – рассыпается на миллионы частиц, вихрем уносящихся прочь.

Я стою в тёмном коридоре, освещённым только слабым сиянием длинных голубых полос, разделяющих пол и потолок со стенами. Это явно не похоже на коридор Сената, в котором мы стояли ещё несколько минут назад. Конца коридора не видно: он скрыт в чёрной тени. Я оглядываюсь назад – и вижу такой же бесконечный коридор.

Как я сюда попал?

И, что ещё важнее: как отсюда *выбраться?*

Подняв руку к виску, я понимаю, что датчика там нет. Очевидно, это какая-то симуляция, куда меня занесло вопреки моему желанию. А без доступа к датчику вытащить меня смогут только извне. Проблема в том, что я понятия не имею, куда запропастились робот Остен и остальные.

Делать нечего – я решаю искать выход самостоятельно.

Идти приходится почти на ощупь – настолько здесь темно. Звонящая тишина нарушается только звуком моих осторожных шагов – он отражается от стен и распространяется волнами в узком пространстве коридора. Мне сложно опре-

делить, сколько я уже иду – несколько секунд или, может, полчаса, – ибо вокруг ничего не меняется: всё тот же безликий коридор с густой, клубящейся смолистым дымом темной впереди.

Внезапно, когда я уже почти готов смириться с безнадёжностью своего положения, к ровному ритму моих шагов присоединяется посторонний звук. Я силюсь разобрать его и определить, откуда именно он доносится, но звук настолько слабый, что едва не ускользает от моих наострѐнных эфтинских ушей. В голову вдруг приходит мысль, что мой мозг сам выдумывает эти звуки, приступив к постепенному отключению всех функций, отвечающий за рассудок и здравый смысл.

А что, если вся эта авантюра с экскурсией на самом деле была одним большим экспериментом, а мы – подопытными крысами? Может ли быть так, что кто-то пытается перепрограммировать наш жемчуг? Или на нас испытывают новый убийственный вирус? Я читал материалы о вирусах и об их потенциальной опасности, но кому в нашем мире может прийти в голову создать нечто столь коварное? За всю хронике Арка не было зарегистрировано ни одного смертельного вируса – ИИТ всегда держал это под своим контролем.

ИИТ...

Неужели он стоит за всем этим? Но если так, тогда почему он просил меня остановиться? Да и остановить что именно, если я *ничего* не делал?

Количество мыслей уже с трудом умещается в голове, когда я снова отчётливо слышу тот же самый звук, но уже позади. Я разворачиваюсь – коридор, голубые полосы и тьма, тьма, тьма...

Грах.

– УБ-Б...ТЬ, – шепчет голос прямо мне в ухо.

Оледенев, я шарахаюсь в сторону, ожидая увидеть... сам не знаю, что. Но то, что предстаёт перед глазами, удивляет даже больше.

Коридор изменился.

Теперь он не один – их десятки. И все эти десятки коридоров уходят не только направо и налево, но и вниз, и даже вверх, туда, где ещё секунду назад был потолок. Зачем размещать коридоры на потолке? Или это ещё одна игра с четырёхмерным пространством? Я решаю, что если выберусь отсюда живым, то первым делом разберу Остена на микросхемы.

К счастью, прежний звук начинает усиливаться. Более того, теперь он доносится из конкретного места, а значит, я могу ориентироваться на него. Повернув налево, я следую за звуком, как за поводырём. С каждым шагом я всё больше убеждаюсь, что это голос. Пока неясно, чей именно, да и слов толком не разобрать.

Оказавшись на одном из пересечений, я понимаю, что источник голоса находится над моей головой. Выходит, мне каким-то образом необходимо попасть в коридор, уходящий

наверх. Ну и как же? Здесь нет ни эскалаторов, ни элеваторов, вообще ничего, за что можно было бы хоть как-то зацепиться. Как бы мне сейчас помог реактивный экзо-позвоночник, так популярный у некоторых хефесов! Единственное, до чего я могу додуматься, это поставить ногу на ближайшую стену в полумёртвой надежде оттолкнуться от неё и каким-то чудом зашвырнуть себя наверх.

Произошедшее следом поражает настолько, что мне не сразу удаётся в это поверить. Моя нога оказывается на вертикальной поверхности, а потом и следующая, и через мгновение я уже стою, пошатываясь, на ровном полу. Полу, который секунду назад был стеной. Я видел много трюков, связанных с виртуальной реальностью, но такой – ни разу.

Совладав с телом и мозгом, я решаю протестировать ещё одну стену и, как и в первый раз, легко становлюсь на новообразованный пол: сила гравитации крепко фиксирует меня на нём. Осмелев, я пробегаю пару кругов перпендикулярно линии коридора, уже не особо задумываясь, где пол, где потолок, и почему в этом месте всё происходит так, как происходит.

Под конец я вспоминаю, что мне всё ещё нужно найти выход из сумасшедшего лабиринта. Я хватаю голос за хвост и преследую его, как ищейка. По пути к источнику преодолеваю ещё несколько коридоров во всех четырёх направлениях. Я пытаюсь по ходу движения построить в сознании своего рода трёхмерную карту пройденного маршрута, но по-

чему-то в этой реальности мне сложно пользоваться своими вычислительными способностями, и кое-как слепленная модель быстро рассыпается на воображаемые кирпичики.

Голубое свечение полос начинает колебаться, прямо как свет потолочных светоидов в коридорах Сената. К тому же, теперь они не голубые, а разноцветные, хотя порядка в этом хаосе миганий и смены цветов по-прежнему мало. Если бы не необходимость добраться до голоса и вытащить самого себя из симуляции как можно скорее, я бы, возможно, даже остановился, чтобы полюбоваться красочной иллюминацией, превратившей скучные виртуальные коридоры в подобие ночных амузалов с их цветомузыкой и отсутствием гнетущего страха навсегда застрять внутри поломанной программы.

По мере продвижения вперёд, я замечаю, что со стенами по обе стороны от меня начинает твориться нечто странное. Они перестали быть сплошными и ровными, как в начале: теперь отдельные их фрагменты просто отсутствуют, будто кто-то прошёлся по ним тяжелым молотом, а то и чем покрепче. Через квадратные, как плитки, отверстия в стенах нельзя разглядеть ничего, кроме равномерного розоватого сияния за ними. Некоторые осколки стен так и повисли в эфире рядом с дырами, застыв, как по команде «пауза», а другие не только висят, но и подрагивают, словно помехи в повреждённом файле. Что бы это ни было, вряд ли кто-то осознанно спроектировал это место таким.

Я иду дальше, минуту или две, пока в очереди ровных от-

верстий и выскочивших из них плит мне не удаётся разглядеть неожиданный предмет. В одну из полуразрушенных стен буквально *вросло* нечто прямоугольное. Осторожно приблизившись к нему, я вижу стопку из тесно прилегающих друг к другу тончайших листов, объединённых листами потолще.

«Бумага», – понимаю я.

Хождение по лабиринту становится настоящим путешествием в прошлое. На Арке уже центумы эонов никто не использует бумагу. Раньше она была необходима для изготовления книг – носителя данных, популярного у землян, – но абсолютно вся информация теперь хранится в Улье, и поэтому я не могу сдерживать восторга, касаясь пальцами мягкой, немного шершавой поверхности листов.

Как же так вышло, что книга (если это действительно она) угодила в эту стену и застряла в ней? И что будет, если я попробую её вытащить?

Я решаю рискнуть и хватаюсь за неё обеими руками. Тяну изо всех сил, молясь, чтобы бумага не порвалась. В итоге книга поддаётся и высвобождается из плена; сковывающие её фрагменты стены ломаются, вылетают вслед за ней и зависают в эфире, как увязнувшие в густом сиропе насекомые.

Позабыв о голосе в глубинах коридора и своей миссии, я начинаю вертеть книгу в руках. Бурая бумага очень хрупкая, местами потёртая, с блёклыми пятнами по краям. У книг всегда были названия, но надпись на этой ни о чём мне не

говорит. «Проект «РС VI», – гласят едва различимые буквы на поверхности внешнего листа.

Что бы это значило? Копаясь в памяти, я не нахожу ни одного подобного сочетания символов.

– ЧУШЬ!

От испуга я выпускаю книгу из рук, и она падает на пол. Голос раздался, кажется, всего в паре метрах от меня. С бешено колотящимся в груди сердцем я всматриваюсь в продолжение коридора, но... тот пропал. Ни лабиринта, ни танцующих цветных полос. Даже книга куда-то подевалась. Зато есть гигантская решётка, выросшая прямо передо мной. Центумы одинаковых, как капли аквы, прутьев разбегаются в обе стороны до бесконечности. Сверху им тоже не видно конца.

Не знаю, что это, но на выход точно не похоже.

Ядвигаюсь ближе к решётке, всматриваясь в прутья, и вижу крошечные голубые символы, бегущие вверх по ним. Никогда не видел такого кода. Каждый его символ – загадка.

Я практически касаюсь прутьев носом в попытке понять, что означают цепочки светящихся иероглифов, когда с другой стороны решётки доносится знакомый голос.

– Эй, Вы там? – тут же кричу я.

В ответ тишина.

Как же мне добраться до человека, если нас разделяет эта грахова решётка? Ни портов, ни замков не наблюдается. Однако уже через секунду я понимаю, что мне, возможно, во-

обще не стоило пытаться найти того, кому принадлежит этот голос.

Создание, выплывшее из тени за решёткой, заставляет мой желудок скрутиться в узел. Сложно понять, что оно из себя представляет – изображение слишком повреждено, – но ясно одно: это точно *не человек*. Фигура парит в эфире, подёргиваясь, сокращаясь, выплескивая наружу отдельные части своего бесформенного тела. Палитры цветов рябью пробегают по его чёрной поверхности, ещё более затрудняя мои попытки выяснить, что это такое. Но самое главное – это то, что оно говорит:

– Пр... шу... Пр... Н-непр... да... Ты! Что ты... Ск... жи... Скажи-и-и...

Мне становится по-настоящему жутко.

Кошмарное создание хрипит, передвигается немного в сторону и, кажется, замечает меня. Не отрывая от него остекленевшего взгляда, я начинаю пятиться назад, успокаивая себя мыслью, что решётка, в случае чего, защитит меня от него.

Ведь защитит же?

– У... Б-Б-БИ... Л... ДЕ-ЕЙ!

Меня засасывает в огромную воронку.

Это похоже на ощущение при старте гиперпода, но только сильнее раз в центум. Невидимая сила могучим рывком утягивает меня назад, внутренности закручиваются, как в миксере, а весь мир вокруг превращается в один сплошной ура-

ган расплёскивающихся цветов.

Когда невыносимый шум в ушах сходит на нет, я понимаю, что снова нахожусь в Гиперсфере, от тьмы не осталось и следа, проводной датчик лежит передо мной, а глаза всех сидящих за круглым столом нацелены только на меня.

– Что Вы сказали? – спрашивает Остен, вперившийся в моё вспотевшее лицо своим светящимся дисплеем. Громко сглотнув, я отвечаю дрожащим голосом:

– Я? Я что-то сказал?

Вместо ответа, робот поворачивается к остальным:

– Камрады, нам следует немедленно покинуть помещение. Прошу вас сохранять спокойствие.

Ювенаты и их сопровождающие мгновенно встают на ноги и по очереди выходят через открытый порт, некоторые продолжают боязливо глядеть на меня. Я и робот-гид оставляем комнату последними.

Снаружи Гиперсферы происходит необъяснимое. Коридор полон людей в униформах Сената: одни о чём-то возбуждённо разговаривают, другие с явной озабоченностью выглядывают из портов своих помещений. Кроме них, я замечаю камрада Клавуса и Ченека, судя по их виду, также не понимающих, из-за чего поднялась такая суматоха.

В этот момент я вижу, как сквозь толпу в нашу сторону бежит человек, одетый в ту же униформу, что и остальные работники, но с преобладанием чёрного цвета. Я сразу узнаю его.

Мой отец.

Он замечает меня и с тревожным лицом подбегает к нашей группе.

– Тоа! Всё в порядке? Ты как? Отвечай!

– Я... я... – Я всё никак не могу сообразить, что стряслось и почему все ведут себя так странно. – Да, я нормально. Пап, а что случилось?

Остен перебивает открывшего рот отца:

– Сенатор Канвальд, хорошо, что Вы здесь. Позвольте Вас на пару слов. – Уводя отца в сторону, он обращается к нашей группе: – Прошу прощения, уважаемые камрады, но сегодня мы с вами не сможем подняться на смотровую площадку. Пожалуйста, никуда не расходитесь, я провожу вас к выходу из Сената буквально через минуту!

Пока робот что-то неслышно говорит отцу, а тот периодически поглядывает на меня, нахмутив угольно-чёрные брови, мы с Ченексом обмениваемся взглядами, означающими примерно одно и то же: «Если какой-то день и заслуживает быть стёртым из моей памяти без остатка, то это – именно он».

6. ОБЛИМОРФИН

– Камрад Клавус, Вам было поручено следить за Тоа сегодня?

Коридор опустел, группы из других Ювенисов ушли вслед за Остеном. Я, отец, Клавус и Ченек стоим под гипнотизирующим миганием потолочных светоидов. Отец препарирует взглядом старика, который беспомощно подрагивает усами и смотрит куда угодно, только не в хмурое лицо бровастого мужчины, угрожающе нависшего над ним. Я редко когда видел отца таким строгим, и я впервые по-настоящему осознаю, что передо мной – сенатор Патриума N. В то же время мне хочется защитить завхоза:

– Он следил! – горячо выступаю я. – Но ему пришлось выйти, чтобы вернуть Ченека.

– Вернуть? – Отец приподнимает бровь и перемещает прицел покрасневших зрачков на Ченека: – Вы выходили из Гиперсферы? Зачем?

Лицо Ченека мгновенно белеет, и я снова подозреваю, что он собирается рухнуть на пол здесь и сейчас. Тем не менее он находит в себе силы прошептать:

– Я всё время был здесь. Камрад Клавус сразу вышел за мной, и мы находились тут пока не... пока...

Эфин запинается и, смутившись, замолкает. Кажется, лицо отца слегка смягчается. Или это тень от мерцающей лам-

пы?

Он вновь обращается к Клаvusу с Ченеком:

– Камрады, благодарю. На данный момент ваше присутствие более не требуется. Если у меня возникнут дополнительные вопросы, я свяжусь с вами. Сейчас я вызову вам робота – он проводит вас обоих до выхода.

После этих его слов из-за угла коридора сию секунду выпархивает робот (Остен или его точная копия?) и убедительно просит их следовать за ним.

Я непонимающе гляжу на отца:

– А я?

– Тоа, – серьёзно произносит он. – Нам с тобой ещё надо кое-что обсудить. Поэтому твои друзья вернутся в урб без тебя.

Я моргаю, глядя на всех четверых (включая робота), и прихожу к выводу, что спорить с отцом бесполезно.

– Камрад Клаvus, спасибо за компанию, – уныло бормочу я в стремлении поддержать уходящего старика. Как же он ждал этого дня и как безнадёжно этот день был испорчен! Клаvus способен лишь морщинисто улыбнуться в ответ, шурша кустистыми усами.

Распознавшись и с Ченеком, я смотрю, как эти двое безрадостно исчезают за поворотом, увлекаемые прочь безразличным роботом.

– Может, скажешь наконец, что всё это значит? – В отсутствии посторонних я могу позволить себе быть с отцом чуть

более резким.

– Не здесь. Иди за мной.

Мне ничего не остаётся, как шагать за облачённой в униформу спиной отца по осточертевшим коридорам и эскалаторам. Пару раз он останавливается, чтобы о чём-то быстро переговорить с идущими навстречу работниками Сената.

– Сюда, – резко указывает отец после четырнадцати минут прогулки, за всё время которой я так и не проронил ни слова. Он раскрывает порт, и мы оказываемся внутри помещения, в котором я немедленно узнаю его кабинет, хоть и ни разу не бывал здесь раньше.

Сказать, что комната аскетична – ничего не сказать. Из мебели имеются лишь два прозрачных стола с левитирующими за ними креслами в форме яйца рубрума, а в центре кабинета – широкая голографическая панель, над которой парят диаграммы и схемы, смысл которых понятен лишь тем, кто здесь работает. Но самым интересным мне кажется окно во всю стену, за которым простирается великолепный горный пейзаж с нивными шапками на вершинах голубых гор, насыщенным цветом синего неба и кристально чистым озером, в глади которого отражаются лениво плывущие над ним облака. Нет, мы не переместились в пространстве – это всего лишь окно с функцией настраиваемого вида. Отец часто тоскует по природе, как и, наверное, любой уважающий себя эфин. Вероятно, поэтому сквозь стеклидный пол под нашими ногами видно целую поляну сочно-зелёной, приветливо

колыхающейся на несуществующем ветру травы. Жаль, что технология ограничивается визуализацией, и не позволяет, скинув ботинки, ринуться босиком по щекочущей траве туда, за пределы кабинета, к сказочному озеру, подальше от гнетущего папиного взгляда.

Войдя, он запирает за собой порт.

– Моего коллеги сенатора Укиямы временно нет на месте, так что можешь воспользоваться его креслом.

Отец ментально подзывает оба кресла к нам двоим и размещает их друг напротив друга. Я робко усаживаюсь в своё, с тоской поглядывая на отрезанный путь отступления из кабинета. Он устраивается лицом ко мне. Положив руки на свои колени и сделав паузу, которая заставляет мой желудок забурчать в самый неподходящий момент, он произносит:

– Сегодня ровно в девять часов девять минут произошёл инцидент. Мы потеряли связь с ИИТ.

Он замолкает и всматривается в моё лицо, видимо, пытается считать мою реакцию. Так её и не дождавшись, он продолжает:

– Разумеется, за всю хронику существования Верховного Алгоритма мы не сталкивались ни с чем подобным. Тем более это кажется невозможным, учитывая, какие *беспрецедентные* меры безопасности были предприняты специально для этой встречи. И всё же имеющиеся у нас в наличии данные позволяют сделать предположение, что кто-то или что-то попыталось нарушить протоколы безопасности ИИТ.

– То есть, *взломать*? – выпаливаю я.

Папино лицо сморщивается: видно, ему очень неудобно говорить об этом.

– Вряд ли кто-то в здравом уме может подумать, что ИИТ можно взломать! Нет-нет... Но мы, возможно, имеем дело с такой формой угрозы, о существовании которой даже не подозревали. А сейчас, – он вдруг выпрямляет спину в своём кресле и снова буравит меня сосредоточенным взглядом, – я хочу, чтобы ты от и до рассказал мне, что произошло в Гиперсфере.

Я немного зависаю от неожиданности, пока до меня доходит смысл его слов.

– Ты думаешь, что это как-то связано с нашей экскурсией?

– Сказать по правде, – вздыхает отец, – я так не считаю. Конечно, ИИТ – это сложная система. Он везде и нигде одновременно. Но факт остаётся фактом: он присутствовал в Гиперсфере в момент своего исчезновения. Поэтому, Тоа, я прошу тебя рассказать мне всё, что ты можешь вспомнить о вашей с ним встрече.

Отчасти я рад, что он просит меня об этом. С тех самых пор, как я покинул Гиперсферу, мне не терпелось поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями от того безумия, что мне пришлось пережить в стенах злосчастной комнаты.

Я начинаю свой рассказ.

Стараюсь припомнить каждую деталь, но намеренно пропускаю тот эпизод, где ИИТ уличает меня в недостатке ве-

ры в него. Отца это точно не обрадует, а он и без того переживает сегодня не самый лучший из своих дней. Как всегда, пока я говорю, он никак не реагирует на услышанное, лишь напряжённо въедается глазами в одну точку, сложив руки на подлокотниках кресла и подперев подбородок указательными пальцами.

Когда я заканчиваю, мы двадцать две секунды сидим в абсолютной, давящей тишине.

– Я не хочу, чтобы ты воспринял мой вопрос неправильно, – наконец произносит он, – но не приходилось ли тебе когда-либо выполнять функции... хакера?

Смятение в моей голове может посоперничать разве что с оупляющей усталостью.

– Э-э... Я – хакер нашей команды по Агилитрону.

– Да-да, конечно, – отмахивается отец. – Но я говорю не о спорте. Речь о... ты знаешь... чём-нибудь не вполне дозволенном?

Я втайне надеюсь, что ему сейчас хочется провалиться сквозь стеклидный пол не меньше, чем мне.

– Нет, – твёрдо отвечаю я.

– Ты абсолютно в этом уверен? – Его серые глаза, как камеры, не выпускают меня из своего поля зрения.

– Отец, – я начинаю ощущать непрошенное тепло, заливающее мои щёки, – ты сам сказал, что ИИТ невозможно взломать. Теперь ты считаешь, что его взломал я? Я? Ювенат из урба N11? Ты сам себя слышишь?

– Тоа, я верю тебе, когда ты говоришь, что не пытался ничего взламывать за пределами Агилитрона, и тем более я не думаю, что ты взломал ИИТ. Я всего-навсего пытаюсь сопоставить те немногие факты, что у нас есть.

– И что это за факты, а? – Меня уже не удержать: я теряю остатки самообладания. – Вроде того, что твоего сына подключили проводом – *проводом!* – к небезопасной сети и чуть не прикончили в ней? Такие факты? Ты хоть понимаешь, что я мог навсегда остаться дурачком после такого?!

Сквозь обжигающую волну гнева я с удивлением обнаруживаю, что уже не сижу в кресле, а стою на ногах, крепко стиснув кулаки.

– Тоа, – повторяет отец, продолжая сидеть в своём кресле, – я понимаю, что ты столкнулся с непредвиденной ситуацией. Этого не должно было произойти. И это нисколько не твоя вина. И именно потому, что мне не всё равно на тебя и твоё состояние, я хочу, чтобы в ближайшее время ты прошёл полную диагностику у хилера. Нам следует убедиться, что погружение в сеть не нанесло тебе вреда.

Хоть я и продолжаю возмущённо глядеть на него сверху вниз, всё же мне трудно не признать, что в его словах есть смысл. Кто знает, каких дел могла натворить эта грахова симуляция в моей голове. Медленно остывая, я отхожу в сторону окна и принимаюсь рассматривать пролетающих над виртуальными горами птиц.

– Хорошо, я схожу, – говорю я, и сразу кое о чём вспоми-

наю. – Пап?

– Да?

– А что тебе сказал робот, когда мы вышли из Гиперсферы?

Отец явно не хотел, чтобы этот вопрос прозвучал сегодня. Он скованно поёживается в кресле и, помедлив, произносит:

– Что у тебя был приступ, из-за чего тебя пришлось экстренно отключить от сети. И ещё что ты кричал что-то о... Уверен, это всего лишь реакция организма на сбой в системе, не более того. Мало ли кто мог оказаться...

– Отец!

Он вздыхает и обречённо смотрит на мягкий газон под своими туфлями:

– Тоа, ты кричал об убийстве людей.

Я сижу в своей комнате и пытаюсь собраться с мыслями. Ма активно выманивает меня наружу с помощью кулинарных наживок, но я не голоден. Отец настоял на том, чтобы я ничего ей не рассказывал о пережитом в Гиперсфере. По крайней мере, до тех пор, пока я не пройду диагностику в госпитале. Нет смысла тревожить её богатое воображение раньше времени. Так что, вернувшись в убикор и сославшись на усталость от переизбытка эмоций (что в общем-то было правдой), я сразу направился напрямиком к себе, не забыв за-

переть за собой порт на всякий случай.

Записаться к доктору Локсу – моему постоянному хилеру – оказывается сложнее, чем я думал. Улей утверждает, что свободные слоты есть на завтра, но по какой-то причине несколько раз подряд отклоняет мой запрос. В конце он и вовсе отказывает мне в обслуживании и просит оставить заявку на диагностику, пообещав через какое-то время сообщить о «принятом решении». Да уж, с таким сервисом я ещё не сталкивался. Решив, что на сегодня я уже и так потерял достаточное количество нервных клеток, я послушно следую указаниям системы.

Отправив сигнум с заявкой, я задерживаюсь в базе, так как вижу мигающее оповещение об одном непрослушанном сигнуме – конечно же, от Хэрона. Из-за всех потрясений последних часов я успел забыть, что у друга сегодня тоже важный день.

Готовясь к длинной и не в меру восторженной речи Хэрона на тему его победы над моей разнесённой в пух и прах командой (или же гневной тираде о его незаслуженном проигрыше и, что логично вытекает из первого, тотальной несправедливости Вселенной), я активирую сигнум и слышу следующее:

– Ты не поверишь, что произошло! Я в шоке. Нет, я в *беженстве!* Игры не было! Понимаешь, чувак? Всё отменили! Мы уже были в форме, стояли на пэдах, полная готовность и всё такое. И тут нам говорят, что игры не будет. Без объясне-

ния причин! Это как? Нет, ну ты скажи мне, как так можно? Ладно я, но ты бы видел Циссу! Она чуть не разнесла арену в клочья. Пришлось вызывать гвардейцев и вязать её по рукам и ногам! Хорошо, последнее я придумал, но ты пойми: такого никогда не было, чтобы просто так взять и отменить Агилитрон. Это нарушение всех гражданских прав! Ты даже не представляешь, как я зол. Ох, как же я зол, чувак! Как там твоё свидание с ИИТ? Если ты жив, ответь. Если нет – всё равно жду сигнал от тебя. Отбой!

Я решаю не тратить время и сразу позвонить ему. Мне не приходится долго выслушивать медитативный звуковой сигнал вызова: в эфире сначала материализуется его рогатая голова, а затем – плечи и грудь размером с ковш бульдозера. Сквозь них я всё ещё могу видеть слабые очертания собственного сомнума.

– Я дома, – угрюмо сообщает голограмма Хэрона вместо приветствия. – Отец позвонил и сказал нам сидеть в убикоре и не высовываться, пока он не приедет. Ну и как это понимать?

– Хэрон, мне кажется, я знаю, в чём дело...

Он заметно оживает.

– Знаешь?

– Ну да, – тяжело выдыхаю я. – У меня тоже не всё прошло гладко.

– В смысле?

– Скажем так, они выбрали не самый подходящий момент,

чтобы устроить нам свидание с ИИТ.

Далее я пересказываю Хэрону хронику своих сегодняшних злоключений. К концу рассказа он, нетипично для себя, выглядит взволнованным:

– Если я что-то и соображаю в устройстве искусственного интеллекта, – говорит он, выждав паузу, – то всё указывает на то, что у Верховного Алгоритма поехала материнка.

– Хэрон! – Я тревожно стреляю глазами в порт, как будто ожидаю, что прямо сейчас в комнату ворвутся люди в тяжёлой броне и скрутят мне руки за спиной только лишь за то, что я имею наглость участвовать в подобном диалоге.

– Что? – невинно откликается друг, пожимая валунами плеч. – У тебя есть теория получше?

Вспомнив разговор с отцом, я оставляю этот вопрос без ответа.

– То-то и оно, – продолжает он. – А если серьёзно, то ничего хорошего из этого не выйдет, уж поверь. Если только ИИТ не явится народу и не признается, что всё это был розыгрыш. Планетарного масштаба. Но всё равно это вряд ли поможет ему добиться моего прощения за сорванный матч...

В этот момент я получаю новое уведомление из госпиталя.

– Хэрон, мне нужно идти, – говорю я, засуетившись. – Кажется, меня наконец записали на диагностику.

– Это правильно, – кивает он. – Не хватало ещё, чтобы мой лучший друг впился мне в глотку клыками. Или ты уби-

ваешь как-то по-другому? Ты скажи, чтоб я знал на всякий случай...

Я рад слышать старого доброго Хэрона. Одарив его на прощание не самым дружественным жестом руки, я сбрасываю звонок и проверяю уведомление.

Диагностика назначена на завтра.

Вечером того же дня, за ужином в составе всей коммуны (включая неожиданно навестившего нас Фарика) отец всё же решается признаться в том, что ИИТ пропал с радаров. Ма, узнав эту новость, едва не роняет термос с горячим салгамом на пол, после чего заваливает отца лавиной вопросов. Как и договорились, мы с ним не упоминаем о моей возможной связи с исчезновением Верховного Алгоритма. И всё же это не мешает Ма сбивчиво запричитывать на тему того, что могло, по её версии, приключиться с обожаемым ей ИИТ. Закончив на теории с участием инопланетных террористов, Ма принимается глазеть в тёмное окно затуманенным взглядом, смаргивая тяжёлые капли слёз, нависшие на длинных ресницах.

– И что дальше? – спрашивает отца Фарик. – В смысле, кто будет всем управлять?

– Не знаю, – мрачно вздыхает тот, рассеянно ковыряя вилок синие шарики горошка в своей тарелке. – Мы раздумываем над тем, чтобы создать особый комитет по этому вопро-

су. Понадобится большая ассамблея в Траскианском Альянсе. Это уже не уровень нашего Патриума или любого другого. Этот вопрос касается *всей планеты*. Если бы только мы могли получить доступ к серверам ИИТ... Понять, что с ним, как-то помочь. А пока, если мы хотим избежать худшего, нам лучше надеяться на то, что ИИТ в конце концов вернётся. Потому что иначе нам придётся столкнуться с такими трудностями, о существовании которых мы даже не догадывались. В каком-то смысле мы рискуем вернуться обратно на Землю.

Под занавес вечера он просит всех нас никому не рассказывать о нашем разговоре: в Сенате решили пока повременить с официальным объявлением о произошедшем. Сложно вообразить, какой шум поднимется, узнай люди о том, что никто больше не приглядывает за планетой.

На следующее утро, толком не продрав глаза, я сажусь в такси и отправляюсь в госпиталь. Всю дорогу до него я гипнотизирую фронтальную панель залитой утренним соларом кабины, пока моё сознание находится где-то на грани между сном и явью. То же продолжается и в коридоре госпиталя, пока я ожидаю вызова.

Проходит одна минута, за ней вторая и третья.

Подняв голову, я от нечего делать принимаюсь изучать белые кольца пластида на потолке, служащие одновременно светоидами и элементами декора. От такого дизайна легко закружится голова: ровных фигур нет, всё изгибается и вы-

тягивается причудливым образом, будто я смотрю на потолок через фильтр, искажающий геометрию. В этом коридоре вообще сложно найти хоть один прямой угол – всё время не покидает ощущение, что ты находишься в гигантском улье острид, рабочим материалом которых были пластид и вездесущий стеклид. Последний в том числе разделяет коридор с медицинскими кабинетами, перед одним из которых я и стою.

– Камрад Тоа, пройдите в смотровую четыре.

Повинуясь нежному голосу коридора, я захожу в порт, образованный уплывшим под потолок стеклидом. Кабинет выглядит так, как ему и следует: сверкающим стерильной белизной. Его стены, как и снаружи, неровные, отчего создаётся впечатление присутствия в совершенной с технологической точки зрения и залитой операционным светом пещере.

У задней стены замер стройный НИМБ – нейро-индукционный магнитный биосканер. Справа от меня – устройство поменьше. В общем-то, в нём сложно разглядеть какой-либо девайс – оно больше смахивает на каплевидную скульптуру с идеально гладкой поверхностью. Но я знаю, что все инструменты, которые могут понадобиться хилеру во время диагностики, хранятся именно в нём. Они называют его диспенсером. Напротив него, у стены, находятся подвешенные в эфире белые модели человеческих голов в разных состояниях: обычный череп, карта головных нервов, мозг с глазами сферами, мышечная модель, голова с упрощённой гео-

метрией из граней и другие. Все они расположены ровными рядами с одинаковыми интервалами между ними, и все они медленно оборачиваются вокруг своей оси, смиренно демонстрируя себя гостям кабинета.

– Здравствуй, Тоа, – мягко произносит комната голосом доктора Локса. – Пожалуйста, проходи к НИМБу.

Стеклид за моей спиной плавно опускается вниз, и прозрачная оболочка, через которую я вошёл, начинает темнеть, пока не становится абсолютно чёрной. Никто за пределами смотровой меня теперь не видит.

Ядвигаюсь вперёд, наблюдая за своим робким отражением в глянцевой поверхности биосканера. Процедура мне известна: необходимо встать к аппарату спиной и дождаться, пока кольцо НИМБа опустится, окружив верхнюю часть головы. Далее – в прямом смысле дело техники.

Бирюзовое свечение кольца на мгновение ослепляет, а затем НИМБ начинает мягко гудеть, запуская процесс сканирования моего мозга. В этот момент диспенсер у дальней стены «оживает»: одна его часть отделяется от корпуса и трансформируется в небольшого медицинского робота, который шустро подлетает ко мне, готовый приступить к процедуре.

– Приготовься вдохнуть медекторов, – просит доктор Локс.

Робот поднимает руку, на основании которой образуется крошечная дырочка, уверенно нацеленная в одну из моих ноздрей. Я делаю глубокий вдох, и миллионы невидимых

нанороботов, щекоча нос изнутри, спешат наполнить собой мои лёгкие, а затем и кровеносные сосуды, другие органы и вообще всё тело. Ближайшие минуты медекторы будут путешествовать по закоулкам моего организма, изучая состояние каждой клетки.

– Замечательно, – спокойно хвалит хилер. Робот, выполнив свою работу, отлетает в сторону и замирает в ожидании новых задач.

Диагностика продолжается.

Откуда-то сзади выскальзывает самый большой аппарат в комнате – громадная «лупа», сквозь которую я вижу немного растянутое в стороны изображение диспенсера и неподвижного медицинского робота, висящего неподалёку. Аппарат, не торопясь, объезжает меня, всё ещё находящегося во власти НИМБа, по кругу. Пока он движется, я могу рассмотреть самого себя в его гладком стеклиде, а точнее – всю свою нервную систему в режиме реального времени. Не то зрелище, к которому хотелось бы мысленно возвращаться бессонными ночами в сомнуме. «Лупа» скрывается там же, откуда появилась, и не издаёт больше ни звука.

Доктор Локс начинает опрос:

– Ты указал, что находился в закрытой сети с ИИТ?

– Да. – Мне хочется кивнуть, но я вовремя вспоминаю о НИМБе, сонно гудящем вокруг моей головы. Полоски голубого света, подобно гиперподам, стремительно проносятся перед глазами.

– Сеанс прошёл успешно?

– Я бы не сказал. Если только в его планах не было запереть меня в лабиринте без света и нормальной гравитации, а потом натравить на меня монстра из киберклетки.

– Монстра? – повторяет хилер. Его голос звучит задумчиво. – Ты получил травмы?

– Нет-нет, – спешу я заверить его. – Меня вытащили раньше, чем оно успело что-либо сделать. Но выход был не мягкий, так что за состояние жемчуга я не ручаюсь.

– Что ж, насколько можно судить сейчас, твой жемчуг в полном порядке. Как и остальные показатели.

Хоть я и надеялся услышать нечто подобное, всё же это меня немного удивляет.

– Вы уверены? – задаю я бессмысленный вопрос. Конечно, доктор Локс уверен: фактор ошибки в его диагностике неизменно равен нулю.

– Будь спокоен. – Судя по интонации, хилер мягко улыбается. – Я думаю, Тоа, что, как это ни странно, твои видения во время сеанса были спровоцированы не внешними причинами.

Быть спокойным после таких слов – не самая простая задача.

– Чем же тогда? – спрашиваю я.

Вместо ответа, доктор Локс озадачивает меня неожиданным вопросом:

– Как ты спишь?

– Э-э... – Я не без труда перевожу свои мысли в слова. – Мне иногда снятся плохие сны. Это с детства...

– Да, я помню, – замечает он. – И в последнее время тоже снятся?

Мне неловко вспоминать свой недавний кошмар, но я решаю, что стоит поделиться им с доктором Локсом для своего же блага.

– Был один... – уклончиво говорю я. – Накануне я готовился к встрече с ИИТ и, видимо, перенервничал.

– Ты позволишь мне ознакомиться?

Ох, как же это неловко!

И почему я решил тогда оставить сон в базе, почему не удалил его? Но отступать уже поздно. Я даю хилеру доступ к файлу и с замершим в груди сердцем ожидаю вердикта. Тот молчит ровно две минуты и шестнадцать секунд, прежде чем произнести:

– Да, вещь любопытная. Тот парень с рыжими волосами – твой знакомый?

– Да, это Ченек. Мы ходим в Ювенис вместе.

– Ясно, – говорит он. – У тебя есть какие-то мысли насчёт того, почему он оказался в этом сне?

Мне кажется как минимум необычным то, что доктор Локс будто забыл, что его пациент – я, и вместо этого увлётся случайным участником моего сновидения.

– Нет, не думаю. Я сам удивился, когда он поехал со мной на экскурсию в Сенат. Выходит, я, вроде как... *предсказал*

это?

Хилер молчит дольше, чем мне хотелось бы.

– Что ж, Тоа, – наконец выдыхает он, – ты и сам не хуже моего знаешь, что сознание действует согласно собственным законам, не всегда логичным с точки зрения нашего опыта, но, даже учитывая это, я бы не рискнул предположить, что ты обладаешь талантом заглядывать в будущее. Извини, если разочаровываю тебя.

– Вовсе нет, доктор, – отвечаю я. – Честно говоря, я больше склоняюсь к версии, что весь этот сон – одна сплошная бессмыслица.

– И даже в этой бессмыслице можно отыскать пару занимательных моментов. Сон резко обрывается. Я не вижу, кто скрывается под красным капюшоном. Скажи, Тоа, помнишь ли ты что-нибудь об этом? Можешь вспомнить лицо человека в красном? Или, может, *не человека*?

– Я... Нет, ничего, – вздыхаю я. – Я тогда проснулся и, кажется, сразу забыл, чем всё закончилось. Будто мой мозг сам захотел от этого избавиться. Мне жаль...

– Твоей вины здесь нет, – успокаивает доктор Локс. – Я думаю, Тоа, во всём виновны твои нервы. Учитывая хронику наших с тобой наблюдений, я могу с определённой долей уверенности сказать, что твоя нервная система немного более... восприимчива, нежели у других.

– То есть я псих?

Хилер издаёт лёгкий смешок:

– Разумеется, нет. Чтобы заработать себе подобный статус, тебе ещё нужно будет неслабо потрудиться. И даже тогда я не могу гарантировать тебе успеха.

Мне становится чуть легче, хотя я всё ещё не до конца понимаю, к чему он ведёт.

– Нет, Тоа, я думаю, нам просто нужно стабилизировать твою нервную систему, чтобы тебя больше не беспокоили кошмары и эпизоды галлюцинирования, как во время того сеанса в Сенате. Медикаментозной корректировки будет достаточно.

– Я иногда принимаю транквилл, – бормочу я, как бы между прочим.

– Понимаю, но для нашего с тобой случая нужно подобрать средство посильнее. погоди минуту, пожалуйста.

Голос хилера пропадает, и я остаюсь в смотровой один на один с безжизненным медроботом и НИМБом, всё ещё старательно жужжащим вокруг моей головы.

Куда он ушёл? И надолго ли?

Ответ я получаю ровно через четыре минуты, когда порт кабинета вновь бесшумно раскрывается, чтобы впустить в комнату... доктора Локса собственной персоной. Это заставляет меня напрячься: хилер никогда не проводит осмотры лично. Если на то пошло, я не припомню, чтобы видел его живую больше двух раз. Сейчас был второй.

Я смотрю на очень высокого, стройного мужчину средних лет с полным отсутствием волос на голове и серой кожей цве-

та пасмурного тенебрьского неба. У него худое лицо и крупные чёрные глаза, в которых, при хорошо развитом воображении, можно разглядеть мерцание далёких галактик. Хилер одет в медицинский халат из блестящего тёмно-зелёного материала, похожего на винил. Отражения ламп кабинета скользят по всей его поверхности, стекаясь в гибкие световые комбинации.

Доктор Локс – аполл.

Во времена Нулевого Центума предки аполлов решили, что ключ к возрождению человечества лежит там же, где и возникла первая жизнь на Земле: они отправились к акве. Но аполлы не стали селиться рядом с аквой – они решили *погрузиться* в неё, сделать её своей средой обитания, союзником и защитником. Они сумели построить настоящие подаквенные урбы, которые развивались не меньшими темпами, чем их аналоги на суше. Жизнь под толщей аквы, в удалении от соларного света, лишила их кожу яркости, а головы – волос. Глаза же увеличила, подарив возможность видеть там, где царит вечный сумрак. Гравитация уже не влияла на их тела так сильно, как на наши, и поэтому среднестатистический аполл всегда будет выше своих соседей по планете.

Вся эта совокупность внешних факторов привела к тому, что отдельно взятому аполлу часто бывает трудно выделиться на фоне таких же, как он: так сильно они похожи друг на друга. Как результат, они изобрели свой собственный способ придать себе индивидуальности: аполлы делают себе уни-

кальные татуировки, в том числе на голове. Кроме того, многие из них не могут устоять перед слишком уж яркими и вычурными по меркам других этносов дизайнами, когда дело касается одежды или украшений.

Злые языки поговаривают, что аполлы сознательно сбежали под акву, подальше от всех остальных народов, чтобы исключить риски, связанные с так называемым стадным мышлением, которое, по их мнению, и сыграло роль в инициировании войны на Земле. По этой причине многие люди до сих пор втайне недолюбливают аполлов за их якобы высокомерие, нелюдимость и неоправданное чувство собственного превосходства.

Как бы то ни было, сейчас передо мной стоит самый настоящий аполл, и я могу смело заявить, что у меня никогда не возникало повода подвергнуть сомнению профессионализм доктора Локса и его искреннее желание помочь своим пациентам. Если он и лечит людей лишь для того, чтобы питать своё разросшееся эго, то он, по-видимому, искусно это скрывает. Что, впрочем, нельзя списывать со счетов, так как, помимо остального, аполлы известны своими всевозможными талантами в области искусств – актёрского в том числе.

– А вот и ты, – приветливо говорит доктор Локс, приближаясь ко мне. НИМБ тут же прекращает своё вращение и, поднявшись, выпускает мою голову на свободу. В руках хилер держит увесистый бокс с неизвестным содержимым.

– Что-то не так? – спрашиваю я, взволнованно наблюдая

за чернильным серпентом, обвивающим правую стороны головы хилера прямо над ухом.

– Не беспокойся, – говорит он, ставя бокс на небольшой столик рядом с установкой НИМБа, после чего подходит ко мне и начинает светить в лицо ручным фонариком, сосредоточенно всматриваясь в мои зрачки. – Плохие новости на сегодня окончены.

Видимо, удовлетворившись состоянием моих глазных сфер, доктор Локс улыбается мне и возвращается к боксу:

– Дело в том, что я должен лично передать это тебе в руки, – сообщает он, открывая бокс. – Так безопасней. Эви!

Медицинский робот, мирно спящий до этого в сторонке, несётся ко мне с протянутой рукой для сбора медекторов.

– Замри, Тоа, – велит доктор Локс.

Полчища отработавших своё устройств возвращаются к роботу-медсестре, оставив напоследок ощущение странного опустошения в голове.

– Спасибо, Эви. – Хилер позволяет роботу воссоединиться с диспенсером и вновь стать с ним одним целым.

Локс выуживает что-то из бокса и, снова подойдя ко мне, вытягивает вперёд руку с длинными тонкими пальцами, демонстрируя мне лежащий на серой ладони продолговатый предмет, похожий на обычный зубной импульсор, но с небольшим прозрачным окошком, за которым переливается пугающе чёрная жидкость.

– Это – инъектор облиморфина. Эффективный нейролеп-

тик. Новейшая разработка, которая прошла все необходимые тесты, чтобы ты даже не думал волноваться насчёт его безопасности. Будешь вводить в предплечье один раз в день. Начнём с месяца, при необходимости продлим курс. Сейчас я введу тебе одну дозу, и мы посмотрим на реакцию твоего организма. Если всё будет в порядке, выдам тебе остальные.

Я гляжу в бездонные космические глаза доктора Локса, затем – недоверчиво – на прибор.

– «Если всё будет в порядке»? – повторяю я за ним, вскинув бровь. Хилер улыбается, серпент над его ухом – тоже:

– Как и с любым другим лекарством, побочный эффект не исключить на центум процентов. Но не бойся, Тоа, уверяю, с тобой не случится ничего, с чем не могла бы справиться большая кружка горячего салгама. Поверь, результат того стоит. Сможешь попрощаться со своими кошмарами раз и навсегда. А теперь, если ты позволишь...

Поколебавшись секунду, я разрешаю доктору Локсу закатать рукав на моей левой руке и использовать инъектор – ощущение такое, будто что-то маленькое засосало кожу на фракцию секунды и сразу отпустило. Следа не осталось. Я поднимаю глаза на хилера и вдруг понимаю, что что-то изменилось. Что-то неуловимое в его глазах. Словно за нами, в недрах мозга Локса, сверкнула и тут же потухла яркая вспышка. Но, возможно, это только моё буйное сознание пытается сопротивляться лекарству? Как бы то ни было, миг спустя хилер выглядит абсолютно так же, как и в начале

осмотра. Он избавляется от пустого инъектора, выкинув его в контейнер для использованных инструментов.

– У него есть противопоказания? – неуверенно интересуюсь я.

– Избегай других лекарств, в особенности транквилла, ну и обходи стороной винумбулу. В остальном – полная свобода. Как ты себя чувствуешь, Тоа?

Я внимательно прислушиваюсь к своему организму.

– Вроде нормально.

Аполл вновь ободряюще улыбается:

– Вот и прекрасно. В таком случае это, – он указывает ладонью на бокс, стоящий на столике, – твоё. Можешь забирать. И, как мы и договорились, жду тебя через месяц.

7. АГИЛИТРОН

Я сижу в такси, которое плавно взмывает над парк-пэдом госпиталя. На соседнем сиденье уютно устроился бокс с облиморфином, переданный мне доктором Локсом. Мобиль находится на высоте 422 метра над террой, и с каждой секундой эта цифра растёт, за чем можно следить на информационном табло фронтальной панели. Я чувствую себя стридой, порхающей над красивым белым грибом с тремя шляпками – именно так выглядят башни госпиталя сверху. Каждая обустроена зонами с живыми насаждениями и открытыми кафетериями, а на вершине одной блестит в лучах солара розоватая аква горячего круглого бассейна, испещрённая россыпью тёмных точек – голов выздоравливающих пациентов. Большая часть посетителей попадают в госпиталь именно отсюда, с вершин башен, покидая свои такси и входя в порты, расположенные в гладких обтекаемых куполах.

Я редко выбираюсь куда-то на такси. Так вышло, что большинство мест, где я бываю чаще всего, расположены в нескольких минутах езды на скутере от моего убикора. Но есть отдельные пункты на карте урба, вроде госпиталя, которые не оставляют выбора: в конце концов, N11 – это гигантский мегаполис, и на одном только скутере в нём далеко не уедешь. Нравится ли мне это? Я бы так не сказал. Думаю, любому эфину гораздо приятнее нежиться в густых за-

рослях травы на берегу какой-нибудь речки, чем со свистом разрезать облака под порогом бескрайнего космоса. К тому же, эти вечные манёвры и фигуры пилотажа... Мой желудок уже давно дал мне понять, что скоростной транспорт – это не его.

И всё же, когда мой взгляд перемещается с мелькающих цифр, горящих на табло, в окно по правую руку от меня, я вспоминаю об одной причине, по которой иногда можно рискнуть и пренебречь любыми другими видами транспорта в пользу такси.

Конечно, я говорю о видах.

Небо сегодня невероятное. Оно, кажется, не определилось с цветовой гаммой и решило пролить все краски, что у него имелись. Облака соревнуются друг с другом, кто красочнее: розовые или голубые, лиловые или жёлто-золотые. Но все они без исключения напоминают фруктозную вату – нежную и эфирную, – сквозь которую лазерами пробивают себе дорогу яркие лучи солара. Они распускаются грандиозным веером, как на древних картинах землян, посвящённых жизни богов и героев из их причудливых мифов. И над всем этим великолепием раскинулся бесконечный силуэт урба N11, который, как высоко бы такси ни забралось, всегда остаётся в поле зрения пассажира.

Урб смахивает на коллекцию десятков торчащих вертикально игл и трубок, вокруг которых суетятся центумы таких же, как моё, такси. На конце одной из «игл» бликует сфера

голубого Синтешара – сегодня облака почтенно обходят его стороной. Чуть ниже этих гигантов теснятся небоскрёбы поменьше, в создании которых архитекторы себя совсем уже не стесняли. Среди фигур можно найти и спирали, и конусы, и такие сложные формы, у которых ещё нет названия, и даже постройки в виде букв и символов. Ну а на самом нижнем уровне находится всё, что нужно для жизни пешехода: парки, спортивные арены, артерии Интерурба, мосты, реки и озёра. Они уже едва различимы с такой высоты.

Я провожу в эфире семь с лишним минут, прежде чем меня отвлекает от разглядывания завораживающей панорамы мягкий сигнал начинающегося стрима. Информационное табло тает на лобовом стекле такси, уступая место большому символу Арка – тёмному кругу внутри окружности. Одновременно с этим приятный женский голос просит внимательно прослушать следующее обращение. Выглянув из окна, я обнаруживаю, что все инфо-голограммы на небоскрёбах транслируют то же самое. Весь урб (а, скорее всего, весь мир) находится в ожидании новостей. И я уже догадываюсь, о чём они будут.

Точнее, *о ком*.

С замершим сердцем я наблюдаю, как на экране материализуется серьёзное лицо мужчины с узкой чёрной бородкой и отполированным островком лысины, окружённым взлохмаченными зарослями седеющих волос. Он одет в униформу сенатора.

– Говорит камрад Укияма, – произносит он грозным голосом. Имя на фракцию секунды всплывает в моей памяти. Так вот в чьём кресле я сидел тогда в кабинете отца! – Уважаемые камрады, мне поручено передать вам сигнал от Искусственного Интеллекта имени Траска. Сигнал начинается.

Сенатор важно покашливает. Далеко внизу, в проплывающем подо мной урбе, ему вторят со стен небоскрёбов его многочисленные голографические клоны.

– «Дорогие камрады! Я, Искусственный Интеллект имени Траска, хочу сообщить вам о том, что некоторое время назад на нашей с вами планете произошёл крупный инцидент, о котором многие из вас могли не знать. Те же из вас, кто имели представление о случившемся, могли интерпретировать его неверно. Поэтому я принял решение рассказать вас обо всём лично. Камрады, вчера мной была зарегистрирована мощнейшая геомагнитная буря, вызванная возмущениями на поверхности Солара. Шторм такой силы ранее не имел место за всю хронику нашего с вами существования на Арке. Колебания геомагнитного поля планеты могли нанести существенный ущерб инфраструктурам урбов, если бы я не среагировал вовремя и не принял основной удар на себя. Мне удалось сохранить целостность и работоспособность систем, однако я не смог избежать некоторых повреждений со своей стороны. По этой причине вы могли испытать определённые неудобства в обращении с отдельными функциями Улья. Спешу вас заверить, что на данный мо-

мент я полностью восстановился, и Арку ничего не угрожает. Тем не менее, в целях профилактики, я дал распоряжение о том, чтобы каждый камрад без исключения в ближайшие тридцать шесть дней явился в госпиталь по месту жительства для внеплановой диагностики жемчуга на предмет выявления возможных нарушений, которые могли быть вызваны геомагнитной бурей. Отказ от проведения диагностики повлечёт за собой применение дисциплинарно-коррекционных мер. Помните, что неисправный жемчуг – это потенциальная опасность не только для его носителя, но и всех, кто его окружает. Будьте здоровы, дорогие камрады». Сигнум заканчивается.

Сенатор Укияма напоследок упрямо смотрит в самое моё нутро, после чего молча растворяется на экране. Лобовой стеклид такси вновь покрывается всевозможными данными о текущем полёте, а тёплые соларные лучи беспрепятственно заполняют собою салон.

Геомагнитная буря? Так просто?

Значит, всё что произошло вчера – это всего лишь комбинация неудачных обстоятельств? Я погрузился в мозг ИИТ в тот самый момент, когда он оказался под ударом излучения с Солара, и моё беспокойное сознание дорисовало всю ту чушь, что я увидел в его травмированной реальности.

Всё это звучит более чем логично, и всё же я не могу избавиться от настойчиво ноющего ощущения где-то в районе затылка. Нет, это не жемчуг. Это раз за разом всплывающий

в памяти настороженный голос ИИТ, повторяющий одно и то же: «Что ты делаешь, Тоа? Остановись сейчас. Ты можешь навредить себе». Возможно ли, что он просто-напросто хотел уберечь меня от моего же сознания и остановить сеанс прежде, чем оно начало создавать все эти странные, опасные образы? Лабиринт с неестественной гравитацией, книга с бессмысленными символами, пугающая тень, угрожающая убить кого-то...

Такси мягко опускается на терру.

Я выглядываю в окно и вижу родной убикор. Погружённый в размышления об ИИТ, я и не заметил, как быстро мы добрались до дома.

Выбравшись из открытого порта, я не успеваю дойти до входа – меня останавливает звук оповещения о новом сигнале (в свете последних событий я всё же решил временно отказаться от своей привычки держать их на беззвучном режиме). Я активирую сигнал прямо здесь, на улице. Меня сразу же оглушает возбуждённый бас Хэрона:

– Ну и что ты думаешь? Угадай! Ладно, не надо, я сам скажу. Нам всем дали неделю, чтобы проверить жемчуг, и, если с ним всё в порядке – а с ним всё в порядке – в октадены у нас Агилитрон! По новой! Ты против меня, я против тебя. Смекаешь? Сама Вселенная хочет, чтобы ты продул по полной, вот и наслала на нас эту соларную бурю! Ха-ха! Можно забыть о несуразной возне с Найлзом – ты, мой друг, уже в списках! Тренируйся, как в последний раз, потому что через

девять дней я не оставлю от тебя мокрого места! С любовью, твой друг Хэрон!

Обдумывая обрушившуюся на меня, как нив на голову, новость, я случайно замечаю, как наш сосед из убикора напротив, камрад Дюпон, стоит столбом посреди своего газона и, держа в руке печально свесившийся шланг с льющейся на траву аквой, наблюдает за мной пристальным взглядом.

– Доброе утро, камрад Дюпон! – машу я ему рукой.

Соседа как будто оглушили.

Может, послание от ИИТ так на него подействовало? Или просто не до конца проснулся? В любом случае, я, озадаченно похлопав глазами, решаю оставить его в покое и разворачиваюсь к своему порту.

Уже в убикоре, осторожно выглянув из окна гостиной, я вижу, как камрад Дюпон беззаботно поливает газон из шланга, напевая что-то себе под нос.

– И что, совсем ни у кого не выявили дефектов?

Наступил октадень, и я сижу напротив Хэрона в закускойной под названием «Сёрф 2.0». Её открыли в нулевых на волне растущей популярности аэросёрфинга. Люди, занимающиеся им, выпрыгивают из околоорбитального планера с пристёгнутыми к ногам досками, оснащёнными ионными двигателями. При желании можно провести в эфире до

нескольких часов, накручивая виражи и мёртвые петли на поверхности облаков или влетая в них, как нож в масло, на полной скорости.

В интерьере кафе всё напоминает об этом спорте. Одну из стен, напротив входа, занимает большой трёхмерный экран, на котором крутят монтажи самых впечатляющих прыжков аэросёрферов, сопровождаемые энергичным саундтреком. Остальные стены декорированы красочными моделями досок разных эонов, которые заставляют любоваться собой даже тех, кто не слишком горячо относится к спортивным активностям. В общем-то, даже крыша здания, в котором мы находимся, является огромной копией аэроборда, задравшего закруглённый нос и готовящегося ринуться напрямиком в стратосферу.

Мимо нашего стола не спеша проплывают хромированные роботы-официанты кислотно-жёлтого окраса. Всякий раз, как кто-то из них смотрит в мою сторону, мне начинает казаться, что меня узнали. «Ребята, смотрите, это же он – неуравновешенный эфин, который напал на одного из наших два с лишним эона назад, а потом уехал в госпиталь со сломанным носом». Что является чистой аквы клеветой: нос не был сломан. Ну если только чуть-чуть. Короче, я стараюсь на них не смотреть.

– Ну да, – с трудом отвечает Хэрон, борясь с крупным куском мясистого бургера у себя во рту. – Нет, Цисса, конечно, чуть не сорвала нам всю операцию, но не потому, что у неё

с жемчугом проблемы, а потому, что не хотела проверяться. Ну ты же её знаешь, упрямая до смерти. Только хакера лучше неё нам во всём урбе не найти, так что пришлось надавить. Как я умею.

Хэрон многозначительно склоняет рогатую голову в мою сторону, заговорщически скалясь фаршем из мяса и зелени вместо зубов. Мне остаётся только закатить глаза, помещая в собственный рот палочку жареной картошки.

– Сам-то готов? – спрашивает он. – Предупреждаю, подаваться в этот раз не буду.

Очищая своё лицо от неаккуратно пережёванных Хэроном и щедро расплёванных им вокруг крошек, я окидываю взглядом лежащую на столе между нами съедобную гору из блюд, что он заказал. Моя картошка и стакан с разноцветным кислородным фрешем сиротливо ютятся на краю стола, оттеснённые пропитанием друга, чьи активно работающие челюсти не останавливаются ни на секунду.

– Ты уверен, что вообще сможешь двигаться после всего этого? – задумчиво протягиваю я, не сводя глаз с его обеда.

– А как же! Моим братишкам нужно откуда-то брать силу! – самодовольно отзывается Хэрон, взметнув в эфир обе руки и поигрывая тяжёлыми ядрами бицепсов. – Этого братика я зову Левач, а этого – Правач.

– То есть, я правильно понял, что ты назвал свою левую руку «Правач»? – спрашиваю я, и тут же зажмуриваюсь от летящей в меня тефтели из рубрума. Ближайший к нам ро-

бот кидает недовольный взгляд в Хэрона и спешит ликвидировать упавшую на пол закуску.

– Разницы нет, если бьют одинаково, – справедливо указывает Хэрон, ставя точку в нашей дискуссии.

Покончив с едой, мы шагаем к выходу из «Сёрфа», чтобы отправиться в зал Агилитрона. У самого порта меня внезапно оглушает мерзкий звук воющей сирены, одновременно с которой по нашим лицам начинают бегать слепящие лучи густого красного света. Широко раскрыв глаза, я смотрю на Хэрона, который, вопреки обыкновению, выглядит как ребёнок, уличённый в чём-то постыдном. От его выпирающей минуту назад спеси не осталось и следа.

– Камрад Хэрон! – обращается искусственный голос, и по его тону я с обречением понимаю, что именно сейчас произойдёт. – У Вас недостаточно токенов для покрытия услуги!

Посетители кафе пожирают нас глазами. Официанты позабыли свои дела и замерли в эфире. Хэрон же изо всех сил пытается сделаться как можно меньше и незаметнее, что с его габаритами сравнимо с намерением отрастить себе вторую голову с помощью силы мысли.

– Пожалуйста, выберите опцию для погашения долга! – не унимается голос. – Опция А: уборка столов! Опция Б: мытьё посуды! Опция В: количество электрических разрядов, равное количеству несписанных токенов!

Если бы не пульсирующий красный свет, уверен, лицо Хэрона было бы самым красным объектом в помещении.

– Б... – шепчет он.

– Вас не слышно! – надывается голос. – Повторите запрос!

– Б!

Интересно, кто-нибудь когда-нибудь выбирает последний вариант?

– Вы выбрали: Б – мытьё посуды! Пожалуйста, пройдите в техническое помещение для погашения долга!

Свет наконец затухает и бросает попытки вызвать у меня приступ эпилепсии. Два робота-официанта пристраиваются по бокам от Хэрона, готовые сопроводить его к месту наказания.

– Иди без меня, – хрипло бурчит Хэрон. – Я подойду...

– Я жду снаружи, – говорю я, игнорируя его слова.

Не удостоив меня ответом и понуриив увесистую голову, он смиренно шаркает прочь вслед за официантами. Перед тем как выйти, я награждаю ледяным взглядом особенно неприятную на вид девочку-аполла, которая указывает пальцем на Хэрона и что-то активно нашёптывает своей матери, прикрывая рот маленькой рукой.

На Арке, в отличие от Земли, денег нет, и никогда не было. Конечно, это не значит, что каждый может войти в любое заведение и набрать себе неограниченное количество товаров и услуг на свой вкус. Точнее, некоторые всё-таки могут, но это будет значить, что они накопили достаточно токенов. Токены – это особые единицы, которые автоматически

начисляются каждому жителю Арка за выполнение морально значимых или общественно полезных дел. «Полезность» определяется следующим образом: каждое действие человека оценивается системой на предмет соответствия какой-либо из целей устойчивого развития, про которые нам так подробно рассказывал робот Остен на экскурсии по Сенату. Например, мы, ювенаты, должны посещать лекции, писать проекты, проходить регулярное тестирование – наш успех в этих вещах напрямую влияет не только на индивидуальную успеваемость, но и на показатели качества образования во всём Ювенисе. Поэтому это основной источник токенов для таких, как я и Хэрон. Наши родители, в свою очередь, могут выбрать себе официальную работу, как мой отец, или делать что-либо на благо общества. Так, моя Ма и пара наших соседей занимаются хортусами всего убикора и прилегающей к нему территории, получая за это токены. Благодаря им стены убикора всегда украшены цветущими растениями, а остальные соседи могут получить от Ма настоящие, выращенные в терре фрукты и овощи, если синтезированные в гастропринтере их по какой-то причине не устраивают.

Токены могут не только начислять, но и отнимать их у человека за аморальное поведение или действия, подрывающие ценности, обозначенные в ЦУР. Никто толком не понимает, как именно система принимает решение, что соответствует ЦУР, а что противоречит им, ведь одну и ту же ситуацию можно истолковать по-разному. Например, если чело-

век оставит на стене общественного здания несанкционированное граффити, но на нём будет изображено лицо Сейвера и лозунг ИИТ («идеи, инновации, технологии») – это благо или вред? Я знаю точно, что моё нападение на официанта в 918-м было расценено однозначно: в тот день я потерял пять тысяч токенов. На лицо Ма было страшно смотреть. Отец и вовсе избегал меня неделю.

Ещё одна загвоздка заключается в том, что накопленные токены нельзя просто так передать другому, без особых причин, вроде содержания своих нетрудоспособных родителей или помощи кому-то в чрезвычайном происшествии. Все операции с ними происходят автоматически. Так, общественные места, предоставляющие товары или услуги, вроде Интерурба или «Сёрфа 2.0», оборудованы сканерами, мимо которых никто не пройдёт, не «заплатив». Но если кому-то не повезёт иметь недостаточно токенов, произойдёт то, что только что произошло с Хэроном. Таким людям не позавидуешь. Не считая унижительного наказания, их фото ещё неделю будет светиться в прямом смысле слова там, где не прошло снятие токенов, напоминая всем посетителям о том, к чему приводит хулиганство или отсутствие заслуг перед Патриумом. В случае Хэрона, который точно не стал бы кому-либо сознательно вредить, вытекает один вывод: у него большие проблемы в Ювенесе, о которых я не догадывался.

Я стою на улице рядом со входом в «Сёрф», обдуваемый лёгкими порывами довольно тёплого для этого месяца вет-

ра. Когда я в двенадцатый раз нервно проверяю время, беспокоясь о том, как бы нам не опоздать на игру, рога Хэрона, а затем и он весь выбираются наконец из порта кафе наружу. На друге ожидаемо нет лица, а нижний край его майки насквозь пропитан аквой.

– Спасибо, что подождал, – произносит он с плохо скрываемым трауром в голосе.

– Ерунда, – говорю я своим лучшим ободряющим тоном, и мы шагаем прочь от злосчастливого кафе.

Какое-то время мы двигаемся молча, что на нас совсем не похоже. Я теряюсь, стараясь подобрать слова, которые не ухудшат и без того плачевное положение дел. В конечном счёте я не выдерживаю:

– Слушай, я знаю, что ты скажешь, но если ты хочешь обсудить...

– Не надо.

Меня не нужно просить дважды. Если Хэрон не в настроении говорить, то этого действительно не стоит делать. Лучше дать ему остыть и прийти в себя. Лучше *для всех*.

– Я немного отстал по программе, – неожиданно признаётся он спустя примерно минуту. – Сначала думал, что успею наверстать, но как-то... Короче, не вышло. Потому что все силы бросил на тренировки. Родители не в курсе, что у меня закончились токены. Отец пришёл бы в ярость. Если ты не образцовый камрад, то ты никто. Так он считает. А у образцовых не может быть проблем с учёбой.

– А как же Агилитрон? Разве он не знает, какой ты отличный игрок?

Хэрон тяжело вздыхает, поморщившись от резко налетевшего порыва ветра:

– По правде, игра его особо не интересует. Он даже бесится немного, стоит мне заговорить о ней. Даже сейчас он думает, что я не здесь, с тобой, а на собрании клуба по химии.

Он издаёт смешок, в котором столько же радости, сколько соларного света в сегодняшнем хмуром небе.

Я впервые слышу всё это от него. Тем более мне удивительно, что я провёл с ним вместе столько времени, даже не подозревая, какие страсти кипят в это время в его коммуне. Такие, как Хэрон, скрывают за фасадом легкомыслия и неубиваемого оптимизма то, что их по-настоящему терзает изнутри. Краты не могут жаловаться и тем более плакать – какой уважающий себя горец опустится до такого?

Я вдруг осознаю всю важность того, что он решился открыться мне сейчас. Возможно, я первый человек, кто узнал его с этой, не самой завидной стороны. А ещё мне становится гораздо более понятна его слегка нездоровая любовь к Агилитрону. Победившая в этом сезоне команда получит приз – две тысячи токенов каждому игроку, как награда за популяризацию здорового образа жизни и демонстрацию воли к победе. Теперь мне ясно, почему эта самая победа никак не даёт ему покоя.

– Хэрон, ты знаешь, что ты всегда можешь рассчитывать

на мою помощь в учёбе и всё такое. – Пока я говорю, он хмуро смотрит себе под ноги, не поднимая головы. – Но сегодня давай попробуем забыть про всё это на время. На носу большая игра, и мне не хотелось бы выигрывать у раскисшего, мотающего соплю на кулак крата. Ты вроде говорил, в этот раз мы получим по полной? Отлично, если ты так в этом уверен, то я жду не дождусь.

Мой дешёвый трюк срабатывает. Хэрон оживляется, смотрит мне прямо в глаза, а в его собственных тем временем вспыхивают знакомые озорные огоньки.

– Ты, дружок, только что сам подписал себе приговор, – ухмыляется он, закинув бугристую ручищу мне на плечи, от чего те протестующе стонут.

Прямо по курсу вырисовывается здание аркады – места, в глубинах которого прячется священный зал Агилитрона.

На четырнадцатом уровне, выйдя из элеватора и подойдя к порту, расположенному в центре буквы «и» внутри переливающейся холодными оттенками внушительной надписи «Агилитрон», растянувшейся во всю стену, мы с Хэроном, не сговариваясь, останавливаемся и переглядываемся.

«Готов?» – молчит один.

«Я-то да, а ты?» – помалкивает в ответ второй.

Мы редко пользуемся функцией эндоспика. После мил-

лионов эонов эволюции трудно заставить человека перейти на новый способ обмена информацией, особенно когда собеседник стоит буквально в метре от тебя. Так и хочется открыть рот и ляпнуть что-нибудь. И всё же многие предсказывают, что очень скоро реальная речь уйдёт в прошлое и язык с зубами мы будем использовать только для того, чтобы жевать. И даже это, согласно прогнозам, продлится недолго: многие уже начали заменять обычную пищу питательными капсулами, инъекциями и даже накожными стикерами. Я, впрочем, к такому экстриму пока не готов. Слишком уж соблазнительна хрустящая сырная корочка на маминой запеканке из монохромной капусты.

Участие в Агилитроне не требует траты токенов – это позволяет Хэруну беспрепятственно пройти в зал. Я иду следом. Мы оказываемся в помещении, в котором бывали уже десятки раз, – по сути, это наш второй дом. Здесь всё, как и прежде: комната очень большая и идеально круглая, как таблетка, поэтому мы часто зовём её ареной. Внутри неё довольно темно, если не считать, что бесконечная стена – это и есть один сплошной светоид, последовательно окрашивающий зал во все оттенки радужного спектра. По окружности выстроились ряды индивидуальных VR-пэдов. Это небольшие площадки, с которых спортсмены входят в игру. За процесс отвечает та же технология магнитных полей, что применяется на эскалаторах по всему миру. Поля создают для игроков опоры, снаряды и вообще всё необходимое, чтобы сте-

реть грань между реальностью и симуляцией. В самом центре арены – такой же круглый, как и сам зал, диван, на котором уже собрались участники наших с Хэроном команд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.